

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 и 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщѣе и отверзется. I.—2) Опроверженіе ложнаго извѣстія.—3) Состояніе Н. Г. Чернышевскаго (корреспонденція «Вольнаго Слова»).—4) Документъ относительно жепскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ.—5) Земскій голосъ изъ недавняго времени.—Отъ редакціи.—Ближайшія задачи земства.—6) Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. V. З. С.—7) Польскій проэктъ все-російской политической реформы. (Окончаніе). X. С.—а.—8) Кладезъ оффиціальной учености (Народное хозяйство Россіи. В. Безобразова). П. С.—9) Рабочій день и фабричное законодательство. (Окончаніе). В. Г.—10) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VII. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева.

Женева 1 марта 1883 г.

Печатаніе въ нашей газетѣ статьи «Восемьнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ» уже настолько подвинулось, что читатель можетъ видѣть ясно основную ея идею. Статьи доказываютъ до безспорности, что земскія учрежденія, поставленныя въ ненормальныя отношенія и къ населенію, и къ администраціи уже по самому Положенію 1864 г., чѣмъ дальше, все больше приводились бюрократіей въ невозможность работать на пользу населенія. Естественно является вопросъ о причинѣ такого положенія учрежденій, которыя должны представлять само населеніе нашихъ провинцій, — а также о томъ, гдѣ же выходъ изъ этого положенія?

Съ своей стороны, уже въ 53 №-рѣ, при началѣ печатанія названной статьи, мы указали на причины неуспѣха земскихъ учрежденій, — а именно на ихъ исключительную «хозяйственную» постановку и не только ихъ отдѣльность отъ провинціальной администраціи, но и на ихъ подчиненіе ей, а также на необезпеченіе ихъ общегосударственнымъ представительствомъ, — и тѣмъ самымъ указывали и выходъ изъ теперешняго неудовлетворительнаго положенія, какъ земскихъ учрежденій въ частности, такъ и всей Россіи. Съ нашими мыслями въ сущности согласенъ и тотъ «Земскій голосъ», который читатель найдетъ въ настоящемъ №-рѣ. «Голосъ» этотъ представляетъ одно изъ первыхъ проявленій мысли — сдѣлать нѣмѣнныя земскія и городскія учрежденія, крайне неудовлетворительныя, но все таки единственныя въ Россіи вѣссозловныя представительныя собранія, «базисомъ» для агитаціи въ пользу политическаго преобразованія всего государства.

Сегодня мы не будемъ пускаться въ изложеніе практическихъ пріемовъ подобной агитаціи, между прочимъ и потому, что это одинъ изъ вопросовъ тактики, о которыхъ всего менѣе прилично говорить людямъ, пребывающимъ за границей. Мы коснемся только самой общей стороны этого дѣла, а именно — необходимости подобной агитаціи для тѣхъ, кто желаетъ какого бы то ни было улучшенія въ нынѣшнемъ невозможномъ положеніи мѣстной администраціи и земскаго хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ, — откуда же можетъ прійти это улучшеніе, какъ не отъ радикальнаго измѣненія администраціи мѣстной и центральной? Вѣдь земскія учрежденія болѣе десяти лѣтъ ходатайствовали объ улучшеніяхъ детальныя, самыхъ скромныхъ, — и какъ же имъ отвѣчало правительство: — чиновники и глава государства? Какія же основанія можно имѣть къ надеждѣ, что эти послѣдніе вдругъ, ни съ того — ни съ сего, измѣнятъ свое поведеніе? Развѣ теперь не повторяется на великіе лады представителями правительства, что реформа и такъ было слишкомъ много сдѣлано въ предъидущее царствованіе, — не смотря на то, что большая часть этого царствованія проведена была въ застоѣ и въ морчѣ разъ уже сдѣланныхъ реформъ, изъ которыхъ ни одна не была сдѣлана искренно и послѣдовательно?

Но, обращаясь даже къ этимъ реформамъ, къ условіямъ, при какихъ онѣ были даны, мы увидимъ, что и онѣ произведены были далеко не по одной инициативѣ правительства, по его доброй волѣ и его пониманію нуждъ страны, но и подъ вліяніемъ давленія общественной агитаціи*). Большие всего инициативы правительство, иначе Александръ II, обнаружало въ реформѣ крестьянской. На сколько тутъ было личной инициативы Александра II, теперь сказать еще трудно людямъ, не посвященнымъ въ секретъ личной жизни династии Романовыхъ. Но извѣстно, что въ секретныхъ комитетахъ, какіе учреждались при Николаѣ I по крестьянскому дѣлу (въ 1846 и 1848), Александръ Николаевичъ былъ противъ освобожденія крестьянъ, равно какъ и то, что онъ, и будучи еще наслѣдникомъ, и уже царемъ, выступилъ противъ инвентарныхъ проэктвъ Бибикова въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а также и то, что, тотчасъ по вступленіи на престолъ Александра II, по его приказанію былъ изданъ Мпп. Вп. Дѣлъ циркуляръ, заявлявшій волю государя «ненарушимо охранять права, вѣщественными его предками дарованныя дворянству» (20 авг. 1855 года). Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ (30 марта 1856 г.), Александръ II произнесъ извѣстные слова московскимъ дворянамъ: «лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу».

Что произвело подобную перемену въ понятіяхъ Александра II? Повторяемъ, вполнѣ точно отвѣчать на этотъ вопросъ теперь еще трудно. Можно, впрочемъ, съ достовѣрностью предположить личное вліяніе на императора В. Кн. Елены Павловны, короля прусскаго и бар. Гакстаузена, убѣжденія которыхъ тѣмъ болѣе могли на него подѣйствовать, что севастопольская война показала необходимость военной реформы въ Россіи на прусскій манеръ, а эта реформа не была возможна при крѣпостномъ правѣ (замѣтимъ, что изъ всѣхъ реформъ военная проведена была въ Россіи наиболѣе послѣдовательно, что, очевидно, указываетъ на особое къ ней вниманіе самодержца); затѣмъ фраза объ отмытѣ крѣпостнаго права сверху и снизу показываетъ, что на Александра II произвели впечатлѣніе и крестьянскіе бунты 1855 года (особенно кievскій и воронежскій), бунты, конечно, слишкомъ слабыя, чтобы непосредственно заставить власть припяться за реформу, но которые, при тогдашнемъ настроеніи части общества, подготовленной внутренней и заграничной литературной агитаціей въ пользу реформы, были достаточною поддержкой для этой агитаціи.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

*) Вообще не желая унижать Александра II только потому, что онъ былъ царь, мы тѣмъ не менѣе считаемъ справедливымъ и полезнымъ опредѣлить настоящую степень его инициативы въ дѣлѣ реформъ 60-хъ годовъ, между прочимъ и въ виду страннаго пріема, какой теперь употребляется недальновидными либералами въ русской печати и который состоитъ въ безмѣрномъ восхваленіи покойнаго царя-реформатора. Кого можно прельстить или обмануть этимъ пріемомъ? Общество же этимъ не подвигнется.

Такимъ образомъ есть много основаній утверждать, что давленіе снизу, — отъ крестьянъ и общества, — играло сильную роль и въ дѣлѣ побужденія имп. Александра II къ началу крестьянской реформы. Эта же реформа логически должна была поднѣять вопросъ и о дальнѣйшихъ реформахъ — администраціи, суда и до конституціи государства включительно. У насъ есть письмо отъ

9 декабря 1857 г. одного видного в московском обществе лица к издателю «Колокола» с следующими словами, которые вполне верно передают тогдашнее настроение общества и в частности сколько нибудь образованных дворян, не исключая и крепостников:

«Теперь в России всё и все ждет эмансипации. Самые рьяные из помещиков при-смёрзли. При этом случаю сообщу и свой вчерашний разговор с Н. В., у которого несколько тысяч душ, который часто охотится с царем и что-то в родъ Гофмаршала при дворе: «Крестьян освободить, — прекрасно! Откладывать больше нельзя; стало, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Ну, а потомъ? Освобожденные мужики станут казенными; ну, а казенные? Останутся тѣмъ, чѣмъ были? Ну, а мы, дворяне? А купечество? Прекрасное, необходимое дѣло эмансипация; но этого мало. Для России и для насъ всѣхъ нужны права, гарантіи. Вотъ куда долженъ гнуть Герценъ. Не Берингъ и не Закревскій *) главное; разумеется, это свиньи; кто же у насъ этого не знаетъ? Главное то, что Б. и З. возможны. А отъ чего возможны? Отъ того, что нѣтъ общественаго мнѣнія. А отъ чего его нѣтъ? Отъ того, что мы всѣ, и мужики, и дворяне, всѣ живемъ въ полномъ безправіи. Вотъ о чемъ Герцену слѣдуетъ долбить безпрестанно».

Результатомъ такихъ соображеній, а также, конечно, и раздраженія помещиковъ противъ правительства, поднявшаго вопросъ объ этомъ освобожденіи, была между прочимъ та агитация въ дворянствѣ въ пользу реформы суда и администраціи на началахъ общественнаго самоуправленія, которая проявилась среди депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу и въ дворянскихъ собраніяхъ 1858—1860 гг. и о которой упомянулось въ 53 №-рѣ «Вольнаго Слова».

Въ этихъ собраніяхъ и «либералами» (какъ тогда звали сторонниковъ крестьянъ) и «крепостниками» (которые, впрочемъ, не выступали уже противъ самаго принципа освобожденія), произносились рѣчи и предлагались адреса, въ большинствѣ которыхъ, правда, заявлялась (искренно или нѣтъ, — другой вопросъ) мысль о ненарушимости царскаго самодержавія — (и въ этомъ слабая сторона этихъ рѣчей и адресовъ) — но въ которыхъ рѣшительно осуждался бюрократическій строй и высказывалось желаніе реформъ, которыя бы избавили Россію отъ бюрократическаго произвола, а равно и опасенія, что, при сохраненіи этого послѣдняго, и эмансипация крестьянъ не послужитъ къ дѣйствительному улучшенію положенія даже этихъ послѣднихъ. И справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи предсказанія даже самыхъ мрачныхъ крепостниковъ вполне оправдались послѣдующими временами **).

Самодержавный царь, естественно, принялъ сторону бюрократіи и былъ сильно недоволенъ этими адресами и рѣчами. На адреса 1858 года (о введеніи гласнаго суда и другихъ реформъ) имъ не дано было от-

вѣта, или же получились отвѣты, что просьбы дворянства несвоевременны или неумѣстны. Но такъ какъ агитация не останавливалась, то и правительство должно было уступить. Правда, съ согласія царя приняты были мѣры противъ нѣкоторыхъ лицъ, болѣе рѣзко выступившихъ противъ бюрократіи, — а именно противъ тверичей Унковскаго и Европеуса, которые были высланы безъ суда въ камскія губерніи, и Головачева, который отданъ былъ подъ судъ, — по все таки правительство не осмѣлилось пойти противъ самыхъ принциповъ требованій дворянскихъ представителей и собраній. Министръ вн. дѣлъ говорилъ г. Унковскому, что «всѣ реформы, о которыхъ просятъ депутаты (свобода крестьянъ съ немедленнымъ выкупомъ, общественное выборное хозяйственно-распорядительное управленіе, независимый и гласный судъ съ присяжными, подсудность ему чиновниковъ, свобода печати), уже совершаются самимъ правительствомъ». Самъ Александръ II былъ сильно недоволенъ, когда въ 1860 году петербургское общество подало ему адресъ, въ которомъ высказалось за сохраненіе выборнаго начала въ земской полиціи, по съ расширеніемъ его въ всеобщемъ духѣ, — «для развитія подъ покровомъ самодержавной власти, издревле существующаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправления». — Особенно не понравилось самодержцу слово «самоуправленіе», но онъ не рѣшился рѣзко выразить дворянству свое неудовольствіе, — а только «съ нѣкоторымъ неудовольствомъ, выразилъ денуцацию, что если дворянство вѣрнѣе, какъ оно пишетъ, государю, то затѣмъ адресъ оказывается излишнимъ». На другой же день, пріема государемъ денуцаций губернскіе и уѣздныя предводители были приглашены къ обѣду у наслѣдника, отъ котораго имъ были оказаны всяческія любезности. Обѣдъ долженъ былъ вознаграждать дворянство за дурной пріемъ ихъ адреса. (Матер., II, 324—325).

Изъ всего, что мы до сихъ поръ знаемъ, видно, что Александръ II сильно боялся дворянской оппозиціи, — боялся и придворной аристократіи, которая могла, по его мнѣнію, распорядиться съ нимъ, какъ съ Павломъ I, (въ к. 50-хъ годовъ въ высшемъ обществѣ въ столицахъ ходили слова Александра II, что онъ «рѣшился провести освобожденіе крестьянъ, даже если бы ему пришлось пожертвовать для этого жизнью»), — боялся онъ и конституціоннаго движенія въ массѣ образованнаго дворянства, — а потому, употребляя всѣ мѣры и уловки къ тому, чтобы сохранить самодержавіе, чтобы помѣшать организаціи дворянъ во что либо цѣлое, даже въ видѣ одновременнаго собранія депутатовъ отъ всѣхъ губернскихъ комитетовъ по кр. дѣлу, — онъ все таки не считалъ возможнымъ упорно противиться требованіямъ общественнаго мнѣнія *).

Нужно сознаться, что общество само сдѣ-

лало въ 60-е годы капитальную ошибку, не сосредоточивъ своихъ атакъ именно противъ принципа царскаго самодержавія. И причиною этому былъ не только страхъ, — суевѣрный и реальный, — передъ царскою силою, по и ложный расчетъ, который въ нѣкоторыхъ пародическихъ кругахъ существуетъ и до сихъ поръ. Занятая главнымъ образомъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ на возможно выгодныхъ для нихъ условіяхъ и видя, что дѣйствительно царь, въ сравненіи съ придворной аристократіей, является аболіціонистомъ, — передовая часть русскаго образованнаго общества, не смотря на свое въ большинствѣ дворянское происхожденіе, поддалась мысли о томъ, что всего лучше идея освобожденія крестьянъ можетъ быть осуществлена самодержавнымъ царемъ и что представительное правленіе, по крайней мѣрѣ въ то время, организовать въ Россіи крѣпостническую олигархію *). Подобныя идеи разделяла и та разночинская часть интеллигенціи, которая съ 60-хъ годовъ стала принимать все большее участіе въ общественной жизни, особенно въ литературѣ. Само собою разумѣется, что эти идеи еще болѣе гармонировали съ настроеніемъ и интересами молодой (александровской) бюрократіи, которая вышла изъ дворянско-чиновническихъ круговъ, съ извѣстной литературной окраской, — и работала въ петербургскихъ канцеляріяхъ подъ начальствомъ болѣе или менѣе явныхъ реакціонеровъ (инколаевцевъ) надъ проектами реформъ.

Теперь (хотя бы, напр., послѣ записокъ сенатора Соловьева) до очевидности ясно, что придворно-аристократическая оппозиція крестьянскому дѣлу сильна была не кѣмъ другимъ, какъ самимъ же царемъ-освободителемъ, который ее слушалъ и боялся. Мало того, — весь опытъ крестьянскаго дѣла показалъ, что царское самодержавіе не предохраняло крестьянъ не только отъ высокаго выкупа, но и отъ обрѣзки существовавшихъ до эмансипации надѣловъ за установленіемъ maximum'a надѣла, ни отъ Гагаринскихъ, или нищенскихъ (четвертныхъ) надѣловъ и т. п. удобствъ Положенія 19 февраля 1861 в., — которое врядъ ли бы вышло невыгоднѣе для крестьянъ даже изъ дворянскаго парламента или изъ особаго собранія изъ депутатовъ отъ дворянства и губернскихъ комитетовъ, которое проектировали въ 1859 г. крѣпостники въ родѣ Безобразовыхъ или гр. Орлова Давыдова. Вѣдь напались же въ губернскихъ комитетахъ дворяне защитники крестьянскихъ интересовъ. Гласность же и законность, — неизбежныя принадлежности представительнаго правленія, — охранили бы интересы крестьянъ при примѣненіи Положенія гораздо существеннѣе, чѣмъ агенты самодержавнаго царя, флигель-адъютанты и губернаторы, поровніе крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ и высылавшіе въ уѣзда Макаровы крестьянскихъ уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ народническія надежды на царя-освободителя и страхъ олигархіи при парламентаризмѣ не принесли никакой

*) Берингъ — моск. об. полиціймейстеръ, а гр. Закревскій ген. губ., на которыхъ нападалъ въ 1857 г. «Колоколъ» по поводу студенческихъ исторій.

**) Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей и адресовъ напечатаны въ извѣстномъ изданіи «Матеріалы для истор. упрздн. крѣпости. права и пр.» (Берлинъ, 1850—1861), т. II, — которое, по показанію сенат. Д. Соловьева, принадлежитъ Д. П. Хрущову, бывшему товарищу мин. госуд. им. — Ихъ очень полезно перечитать и теперь.

*) Впрочемъ, Александръ II боялся также и «черни, предводимой демагогами», и такимъ образомъ умъ самодержца, незнакомаго съ дѣйствительною жизнью страны, — колебался между страхами, почерпнутыми изъ фамиліальныхъ воспоминаній и изъ французскихъ книгъ, и не предвидѣлъ, что ему приготовила непонятая имъ реальная жизнь его страны.

*) Указанія на этотъ кругъ идей находятся въ письмѣ Бакунина, напечатанномъ въ 54—55 №№ В. Сл. Мы надѣемся представить еще интересныя документы въ такомъ же родѣ.

пользы крестьянамъ, послужили только къ раздѣленію образованныхъ классовъ въ Россіи и къ спасенію принципа царскаго произвола, который всегда въ Россіи былъ опорою притѣсненія барскаго и произвола чиновническаго. Тонкій же расчетъ подрѣзаетъ частными реформами проиловъ бюрократическій внизу, не затронувъ царскаго самодержавія наверху и даже склонивъ его самое къ уничтоженію бюрократіи, какъ элемента, раздѣляющаго населеніе отъ царя, (слова «средостѣпіе» тогда не было еще, кажется, выдуманно, — по фразеологіи на тему единенія царя съ народомъ безъ посредства бюрократіи процвѣтала и тогда въ изобилии), — былъ порванъ жизнью, какъ всё тонкости. Всѣ реформы «освободительнаго періода» правленія Александра II не только не отменили бюрократическаго произвола, ни сократили бюрократическаго вмѣшательства въ народную жизнь, но даже расширили послѣднее. Все, что сдѣлали онѣ, — ограничилось созданіемъ нѣкотораго простора и кадровъ для проявленія общественной инициативы рядомъ съ бюрократическими воздѣйствіями. И этимъ Россія обязана, главнымъ образомъ, той общественной противу бюрократической агитаціи, которая была все таки довольно сильна въ к. 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ.

Эта агитація не только подвинула правительство къ тогдашнимъ реформамъ, но заставляла его обѣщать (искренно или неискренно) и дальнѣйшія реформы, не исключая и политической. Польское движеніе, — прогрессивное и полезное, пока оно проявлялось преимущественно въ чисто польскихъ земляхъ и не перешло въ вооруженное покушеніе на земли, въ которыхъ масса народа знаетъ не хочетъ польскаго государства и даже ненавидитъ его, — служило поддержкой политическому движенію въ остальной Россіи. Подъ вліяніемъ давленія обоихъ движеній правительство дѣлало намеки на свою готовность къ политическимъ реформамъ, начиналъ съ созванія, хотя бы совѣщательнаго только, представительнаго собранія. Отвѣчая на петербургскій адресъ 17 апрѣля 1863 г., Александръ II сказалъ, что призоветъ представителей населенія къ участию въ государственной жизни, когда найдется для того благоприятный моментъ. За тѣмъ, такъ какъ о необходимости такого призванія были заявленія въ нѣкоторыхъ адресахъ, поданныхъ по поводу политическаго вмѣшательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ (болѣе ясно въ адресахъ тверскомъ и костромскомъ), — то правительство тѣмъ болѣе не могло упорно стоять за statu-quo даже въ политическомъ вопросѣ. Въ 1863 г. оно созвало финляндскій сеймъ, и въ тропной рѣчи по этому поводу царь выразился сочувственно «о свободныхъ учрежденіяхъ въ рукахъ народа мудраго». Положеніе о земствѣ, судебныя уставы 1864 г., ослабленіе цензуры по правиламъ 1865 г., — были плодомъ на правленія, принятаго правительствомъ, подъ давленіемъ вышеупомянутой агитаціи. И если эти реформы — уступки были невелики, если лучшая изъ нихъ, судебная, не сопровождалась отменою тайнаго суда III-го стѣпенія, на которую намекали «Основные

Положенія о судебномъ преобразованіи», изданныя правительствомъ въ концѣ 1862 г., — то только потому, что общественная агитація въ пользу общей политической реформы не была и тогда достаточно сильною. Какъ же только и такая агитація затихла, — такъ и остановились, а затѣмъ начали подвергаться искаженію и данныя частныя реформы.

Въ слѣдующій разъ мы рассмотримъ положеніе дѣлъ, которое создалось въ Россіи во время затишья и потомъ пробужденія общественнаго толченія въ правительственную дверь.

Опроверженіе ложнаго извѣстія. Появившееся въ иностранныхъ газетахъ извѣстіе о самоубійствѣ въ Петербургѣ молодого человѣка, будто бы назначеннаго убить царя во время коронаціи, — мы имѣемъ достаточныя основанія признать вымышленнымъ.

Состояніе Н. Г. Чернышевскаго. (Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Намъ пришлось побывать близко около мѣстъ, гдѣ томится въ неволѣ Н. Г. Чернышевскій, приходилось говорить съ людьми знакомыми съ Н. Г. и близко къ нему представленными. Думаемъ, что сообщенныя намъ свѣдѣнія о Н. Г. будутъ интересны и для русской публики. Не утѣшительныя свѣдѣнія! Живетъ Н. Г. въ г. Вилюйскѣ, Якутской области, въ особо устроенной для него тюрьмѣ, охраняемой жандармомъ и нѣсколькими козаками. Днемъ Н. Г. можетъ гулять по городу и бывать у обывателей, почевать же обязательно долженъ въ тюрьмѣ, запертой на-глухо и охраняемой ревниво козаками и жандармомъ.

Страшники рассказываютъ, что Н. Г. не безъ странностей; — такъ, съ постели Н. Г. не встаетъ до тѣхъ поръ, пока жандармъ не скажетъ, что уже 12 ч., пора вставать; вставши, Н. Г. надѣваетъ неизмѣнный свой халатъ и онысывается такъ: привязываетъ одинъ конецъ пояса къ скобѣ двери, а другой беретъ въ руку и начинаетъ крутиться, пока не дойдетъ до скобки, тогда отвязываетъ веревку (поясъ) и связываетъ концы; — то же самое дѣлаетъ съ веревкой и мыломъ(?) во время купанья. На прогулкѣ беретъ съ дороги камешки, бросаетъ ихъ черезъ голову, а на другой день ищетъ этихъ камешковъ. Разъ шель онъ вмѣстѣ съ своимъ стражникомъ жандармомъ; Н. Г. поднялъ съ земли какого то жучка; разговорились съ жандармомъ; вдругъ Н. Г. вздохнулъ, остановился и съ сожалѣніемъ началъ говорить о томъ, что жукъ не вернется теперь на прежнее мѣсто и что необходимо отнести его; — вернулись и положили тамъ, гдѣ взяли. Лѣтомъ нѣрѣдко останавливается Н. Г. у ручейка, сдѣлаетъ маленькую гать и готовъ на этомъ мѣстѣ сидѣть цѣлый день, если бы не пришли за нимъ стражники.

Н. Г. очень мало ѣстъ и вообще замѣчательно воздержанъ въ жизни. Курить низшаго сорта табакъ. Одинъ разъ выпилъ у Н. Г. табакъ низшаго сорта. Н. Г. отправился къ своему знакомому въ городъ попросить въ займы табакъ; — знакомый предложилъ ему прекраснаго табакъ и сигары. Н. Г. пошелъ въ свою тюрьму, взялъ тамъ двѣ коробки прекраснаго табакъ еще неначатая и лежащая уже нѣсколько лѣтъ, — этимъ табаккомъ угостилъ своего знакомаго и объяснилъ, что не курить такого табакъ потому, что боится большихъ расходовъ.

Н. Г. очень много читаетъ; у него въ тюрьмѣ порядочная научная и журнальная бібліотека; очень много и пишетъ, но написанное сжигаетъ и сжигаетъ потому, что нигде не позволяютъ посылать написаннаго.

До послѣдняго времени Н. Г. не позволяли

читать газетъ, такъ что занятіе это приходилось дѣлать украдкой.

Въ апрѣлѣ 1881 года мы видѣли въ Якутской почтовой конторѣ на имя Н. Г. «Порядокъ» и «Вѣстникъ Европы»; — тогда намъ говорили, что теперь разрѣшено Н. Г. читать и газеты. Само собою разумѣется, что письма и даже газеты проходятъ черезъ Якутскую, къ слову сказать, очень тупоумную цензуру.

Вотъ, главнымъ образомъ, и все, что намъ пришлось слышать о Н. Г. Еще одно. Всѣ стражники относятся съ глубочайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ къ Н. Г. Одинъ изъ стражниковъ, жандармъ, пробывши въ Вилюйскѣ свой годовой срокъ, пренебрегъ командировкой на золотые пріиски и попросился у своего начальства еще на годъ въ стражники къ Н. Г., съ цѣлью выучиться хорошо грамотѣ и вообще «поучиться многому у ученаго и честнаго человѣка», какъ говорилъ жандармъ.

Въ судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго очень интересенъ слѣдующій вопросъ: на какомъ основаніи, по какому закону удержатъ Н. Г. въ тюрьмѣ, по какому закону онъ лишентъ поселенческихъ правъ?

Вѣдь по закону Н. Г. имѣетъ право свободнаго прожительства во всей Якутской области, если не во всей Восточной Сибири! Можно говорить словами просьбы о помилованіи Н. Г., по пора сказать и словами требованія о нарушеніи закона по отношенію къ Н. Г. Чернышевскому.

ДОКУМЕНТЪ ОТНОСИТЕЛЬНО ЖЕНСКИХЪ МЕДИЦИНСКИХЪ КУРСОВЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Отъ редакціи «В. Слова». Печатаемъ этотъ документъ потому, что онъ не былъ до сихъ поръ опубликованъ въ Россіи, хотя сущность второй его половины и появилась во многихъ русскихъ газетахъ, какъ вѣсть о томъ, какъ предполагено поступить съ жепщинами, уже окончившими эти курсы или въ нихъ зачисленными. Въ этомъ отношеніи документъ слѣдуетъ общему правилу о неотъемлемости разъ дарованныхъ правъ. Но изъ начала нашего документа можно видѣть, что образована была коммиссія, которая должна была разсмотрѣть вопросъ будущаго положенія женскихъ курсовъ, подлежащихъ упраздненію при Ник. Военномъ Госпиталѣ, — и вотъ на этотъ вопросъ бумага М. В. Д., очевидно игравшаго первую роль въ этомъ дѣлѣ, не даетъ прямого отвѣта. Въ цѣломъ своемъ видѣ эта бумага показываетъ намѣреніе замѣять вопросъ о курсахъ вопросомъ объ окончившихъ ихъ уже или принятыхъ на нихъ личностяхъ, — что не показываетъ въ авторѣ сего писанія большой мудрости даже канцелярской.

Мин. Вн. Д. Департам. Медіц. Отд. II. Столъ I. 13-го Января 1883 г. № 5. По Высочайшему повелѣнію.

Г. Военному Министру.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу моему журнала особаго совѣщанія по вопросу о женскомъ врачеб. образованіи, происходившаго по Высоч. повелѣнію 4 декабря 1882 года подъ моимъ предѣлительствомъ въ присутствіи Вашего Высочайшества, Министра Народн. Просвѣщ., Главн. Управляющ. С. Е. И. В. Канцеляріи по Учрежд. Императр. Маріи и Оберъ-Прокурора Св. Синода и особаго мнѣнія по сему вопросу Статс-Секретаря Грота, въ 4-ый день сего января, между прочимъ, Высочайше повелѣть соизволилъ окончившимъ и имѣющимъ окончить ученіе на существующихъ нынѣ и подлежащихъ въ силу Высочайшаго повелѣнія 5 августа 1882 года упраздненію женскихъ врачебныхъ курсовъ при Николаевскомъ Воен. Госпиталѣ сохранить со-

гласно прежнимъ о нихъ распоряженіямъ право носить нагруд. знакъ съ лит. ЖВ. и предоставить имъ слѣдующія права и льготы: 1. Удовлетв. окончившія эти курсы имѣютъ право на званіе ученой акушерки. — 2. Имъ предоставляется свободная практика по приглашенію желающихъ пользоваться ихъ совѣтомъ, но не присваивается право на государственную службу по врачебной части, ни по исполненію обязац. врачей въ присут. по отбыв. воин. повинности и судебно-медиц. экспертизы, ни по завѣдыванію общими больницами и дежурствами въ нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ освобождаются отъ отвѣтственности по ст. 114 Уст. Врач. т. 13 С. 3. и ст. 325, 326 У. У. С. т. 15 за неявку по требованію больныхъ для подавн. помощи и суд. учрежд. для медиц. экспертизы. 3. Въ качествѣ специалистовъ по дѣтскимъ и женскимъ болѣзнямъ имъ присваивается право занимать должности при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пріютахъ и т. п. женскихъ воспит., богоугодн. и учебныхъ учрежденіяхъ, а также специальныхъ женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогат. заведеніяхъ. 4. Имена окончивающихъ эти курсы на основаніи ст. 128 У. Врач. т. 13 Свод. Зак. записаны въ русскій медицинскій списокъ лицъ, имѣющихъ право выписывать изъ аптекъ спльно дѣйствующія средства.

О каковой Высочайшей волѣ сообщая Вашему Высоч. пр., имѣю честь покорнѣе просить Васъ, М. Г., сдѣлать распоряженіе о доставленіи въ Мед. Департаментъ вѣреннаго мнѣ Минист. свѣдѣнія объ именахъ лицъ удовлетв. окончившихъ и имѣющихъ впредь окончить курсъ въ Ник. Военномъ госпиталѣ для установленія согласно ст. 128 У. В. надлежащаго порядка въ производствѣ ими врачебной практики.

Подписалъ Д. Толстой. Скрѣпилъ Директоръ Мамоповъ. Вѣрно Фрей.

ЗЕМСКИЙ ГОЛОСЪ ИЗЪ НЕДАВНЯГО ВРЕМЕНИ.

Отъ редакціи «В. Сл.». Въ 1878 году, по случаю убійства ген. Мезенцева, царь обратился къ обществу съ приглашеніемъ помочь правительству въ борьбѣ съ «крамолой». Это обращеніе совпало съ началомъ политическаго броженія въ такихъ слояхъ общества, которые до тѣхъ поръ не были затронуты предшествовавшей революціонною пропагандой (тогда исключительно социалистическаго направленія) и которые, подъ вліяніемъ, между прочимъ, войны и ярко обнаружившихся ею недостатковъ политическаго строя въ Россіи, стали задумываться о необходимости измѣненія этого строя на болѣе свободныхъ началахъ. Въ то же время въ самихъ революціонно-социалистическихъ кругахъ начинался поворотъ къ мысли о политической свободѣ, какъ о первой необходимости для населенія Россіи. Время это было такимъ образомъ психологич. точкою того политическаго движенія, какое теперь можно считать господствующимъ во всѣхъ слояхъ мыслящаго общества въ Россіи. Начало движенія этого проявилось, между прочимъ, хотя и очень несовершенно, и въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ дворянскихъ и земскихъ собраній на вышеупомянутое обращеніе правительства. Въ числѣ этихъ отвѣтовъ болѣе другихъ политическаго такта и смѣлости обнаружилъ отвѣтъ черниговскаго земства, приготовленный въ 1879 г. Онъ былъ напечатанъ въ Россіи, только въ приб. къ «Землѣ и Волѣ» и, кромѣ того, пропикъ въ заграничную печать. Между прочимъ онъ былъ набранъ въ одной брошюрѣ, которая должна была

выйти въ Львовѣ, въ Галиціи, съ предисловіемъ въ видѣ статьи «Ближайшія задачи земства», писанной, какъ видно изъ словъ автора его, лицомъ, «близко стоящимъ къ земскому дѣлу». Одно-временно съ тѣмъ, тамъ же печатались брошюры: «Мартовское движеніе студентства Кіевского университета въ 1879 г.» и «Русская молодежь, правительство и общество», — съ приложеніемъ протеста харьковскаго университета и доклада совѣта С. Петербургскаго университета. Но изъ этихъ брошюръ только «Мартовское движеніе» выпущено было въ свѣтъ. Остальныя двѣ были задержаны австрійскимъ правительствомъ, которое въ это время арестовало директора типографіи по дѣлу предполагаемаго социалистическаго заговора въ Краковѣ. Хотя, спустя нѣсколько времени, директоръ и былъ освобожденъ и хотя, по нашему мнѣнію, не было невозможности истребовать у австрійской полиціи изданіе задержанныхъ брошюръ, — совершенно не противныхъ австрійскимъ законамъ, — но тѣмъ не менѣе названныя брошюры и до сихъ поръ пребываютъ подъ судомъ, если уже не уничтожены. Хотя также остановка, по чисто случайной причинѣ, печатанія очевидно систематически задуманныхъ публикацій не говоритъ въ пользу энергій лицъ, предпринявшихъ эти публикаціи, но все таки этотъ опытъ не долженъ быть пройденъ молчаніемъ въ виду другихъ признаковъ начала того политическаго движенія, которое теперь нарастаетъ въ Россіи, — и такъ какъ нѣкоторыя мысли статьи «Ближайшія задачи земства» не утратили еще интереса и теперь, то мы и сочли нелишнимъ перепечатать ее на страницахъ «Вольнаго Слова» съ единственнаго, доставшагося намъ экземпляра, — во первыхъ, какъ документъ, во вторыхъ, какъ одинъ изъ земскихъ голосовъ, который предназначался для публичнаго обсужденія.

Ближайшія задачи земства.

Послѣдніе три года сдѣлали намъ, русскимъ, свидѣтелями такихъ событій внутренней жизни Россіи, которыя невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе. Послѣ блестящихъ реформъ начала импѣріальнаго царствованія, съ середины шестидесятыхъ годовъ наступила реакція. Русское общество, не привыкшее къ бодрости мысли, охотно пошло назадъ къ тому положенію опеки, изъ которой оно только что, казалось, выпло. Началась перекройка на старыи ладъ новыхъ реформъ и среди общества не нашлось жслаія противодействовать этому. Получивъ все новое сверху, общество естественно не дорожило подачкой. Повидимому, оно уснуло, вѣруя въ безграничную силу правительства и въ его заботливость о благѣ общественномъ. Поэтому интеллигентное русское общество было не мало удивлено, когда узнало въ началѣ семидесятыхъ годовъ о движеніи молодежи въ народѣ. А между тѣмъ, начавшееся среди молодежи движеніе росло. Правительство само раздувало его, создавая колоссальныя процессы и принимая самыя варварскія мѣры относительно лицъ, въ чемъ нибудь подозрѣваемыхъ. Ссылки усилились вмѣстѣ съ ихъ жестокостью. На нашихъ глазахъ проишли: процессы московскихъ социалистовъ, процессъ казанской демонстраціи, процессъ 193-хъ, затѣмъ намъ же пришлось видѣть покушеніе на жизнь Третьякова, вооруженное сопротивленіе Ковальскаго, его казню; убійство Мезенцева и барона Рейкнига. Наконецъ, въ эту минуту мы слышимъ объ убійствѣ князя Краюткина и о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ. Это событія, извѣстныя всей Россіи. А сколько же проишло такихъ, которыя скрыты правительствомъ отъ общества и извѣстны лишь въ не-

большомъ районѣ? Не смотря, однако, на то, что общество было непосредственно затронутымъ во всѣхъ этихъ событіяхъ, оно осталось безучастнымъ и лѣнливымъ зрителемъ. Трудно сказать, что въ этомъ случаѣ вліяло: спячка-ли, страхъ-ли передъ правительствомъ или, наконецъ, социалистическая программа, поставленная партией движенія. Вѣрно, что двѣ первыя причины, такъ какъ третья не была достаточно ясно формулирована самими руководителями дѣла, а въ обществѣ она оставалась почти неизвѣстною.

Въ такомъ положеніи было дѣло до убійства генерала Мезенцева, когда правительство почувствовало всю силу маленькаго дѣла. Оно растерялось и, сознавая въ своемъ безсиліи, настойчиво потребовало содѣйствія самого общества къ искорененію революціонной партіи.

Русское общество не поняло всей важности этого момента. Въ обществѣ не нашлось того чувства независимости, той любви къ свободѣ и того политическаго чутья, которыя подсказали бы, что слѣдуетъ дѣлать въ такую минуту. Поэтому правительственный призывъ вызвалъ не протестъ, а рядъ адресовъ пошлыхъ, униженныхъ, вполнѣ ничтожныхъ. Отцы, у которыхъ ежедневно вырываютъ дѣтей для медленной и ужасной казни, просятъ новыхъ казней надъ своими же дѣтьми за то, что тѣ рѣшили мстить своимъ назчамъ. Такого содержанія большинство адресовъ. Какое печальное явленіе! Но, что печальнѣе всего, такъ это то, что выразителями такихъ чувствъ русскаго народа явились его общественные органы — Земство и Государскія Думы. Извѣстно, что какъ первое, такъ и послѣднія заключаютъ въ себѣ достаточно интеллигентныхъ лицъ, которыя, будучи близко поставлены къ общественнымъ дѣламъ, основательно знаютъ положеніе народа и его нужды. Эти люди, вѣроятно, не разъ задумывались надъ бѣдностью и невѣжествомъ народа, надъ его беззащитностью, надъ произволомъ полиціи и администраціи, надъ невозможными налогами, надъ сносомъ ихъ взиманія; эти люди, конечно, пробовали уже что нибудь сдѣлать и убѣждались, что они безсильны, что и Земство и Думы въ захвѣ правительства и даже его шпіонскихъ агентовъ представляютъ ничтожество, не заслуживающее какого-либо вниманія. Казалось, что эти люди должны бы воспользоваться благоприятной минутой, чтобы прямо и открыто сказать правительству: «Мы не станемъ спорить, вредна ли пропаганда революціонныхъ идей въ Россіи, но спросимъ лишь, какимъ орудіемъ ты приглашаешь насъ бороться съ ними. Революціонныя идеи распространяются печатью и живыми словами, хотя на эту печать и на это слово ты налагаешь наложеніе свою карающую руку. Мы же обезоружены тобою. Мы не имѣемъ свободы слова и науки, чтобы доказывать заблужденія и невѣрность доктринъ нашихъ противниковъ. Правда, ты охотно предоставляешь намъ доказывать это, но мы не можемъ и не хотимъ быть слѣпымъ орудіемъ твоихъ вѣдѣній; мы не можемъ бороться неравнымъ оружіемъ и всегда будемъ почитать, что нашимъ противникамъ грозитъ

тюрьма, ссылка и каторга. Значитъ, ты предлагаешь намъ быть шпионами и сыщиками? Но можетъ ли народъ взять на себя такую позорную роль? Мы далеки отъ революционныхъ идей, но заявляемъ, что бороться съ ними можемъ лишь силою мысли и слова, палачей же между нами не пайдется! Раздѣляясь же самъ и зная, что мы не имеемъ пальцемъ, чтобы помочь тебѣ, потому что, не желая революціи, мы еще менѣе желаемъ сохраненія стараго строя».

Приблизительно такъ мы должны были бы отвѣчать. Но, къ сожалѣнію, такъ мы не отвѣчали, хотя знали, что земства, которые рѣшились пользоваться минутой для проведения своихъ цѣлей. Полтавское земство, какъ извѣстно, составило правительству адресъ, въ которомъ выражаетъ свою готовность бороться съ революционными идеями и вмѣстѣ съ тѣмъ (заявляетъ), что «вырвать зло съ корнемъ и окончательно поборотъ пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества, доступно лишь совокупнымъ силамъ правительства и общества». Но затѣмъ Полтавское земство полагаетъ, что «для достиженія этой цѣли не существуетъ въ настоящее время такой легальной почвы, на которой могли бы объединиться силы правительства и всѣхъ земствъ Имперіи, такъ какъ дѣятельность послѣднихъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ поставлена въ предѣлы мѣстныхъ нуждъ».

Харьковское земство пошло въ слѣдъ за Полтавскимъ и приняло записку гласнаго Горбѣнко, въ которой подъ покровомъ густаго тумана высказывается та же мысль, что правительство безсильно бороться съ пропагандой новыхъ идей и что стоитъ ему лишь подѣлиться властью съ обществомъ, чтобы «вырвать зло съ корнемъ».

Мы стоимъ близко къ земскому дѣлу и мы отличаемся подобающею консервативностью, но никакъ не можемъ согласиться съ такою постановкою вопроса. Полтавское и Харьковское земства говорятъ правительству: ты ведешь войну съ вредными идеями уже нѣсколько лѣтъ, но онѣ не только не погибаютъ, а растутъ все шире и шире; дай намъ власть и ты увидишь, какими молодцами мы покончимъ съ ними!

Неужели на такой почвѣ и изъ такого зерна должно вырасти древо Россійской Конституціи?

За полученіе доли власти земство принимаетъ на себя обязательство уничтожить извѣстный разрядъ идей и вмѣстѣ съ ними истребить людей ихъ распространяющихъ. Чтобы рѣшиться вырвать что либо съ корнемъ, надо достаточно хорошо узнать дѣло и только тогда рѣшиться, то ли это зло, которое слѣдуетъ вырвать. Но развѣ мы знаемъ эти «вредныя идеи»? Отсутствіе у насъ свободы печати не дало возможности поспѣть этимъ идеямъ ясно и подробно формулировать ихъ, но едва ли возможно сомнѣваться, что значительная доля ихъ принадлежитъ не только лицамъ крайнихъ воззрѣній, но и людямъ самаго узкѣннаго и даже консервативнаго образа мыслей. Доказательство этому мы находимъ въ запискѣ Черниговскаго земства, составленной комиссіей, и, какъ слышно, одобренной большинствомъ

гласныхъ, хотя не допущенной предсѣдателемъ къ обсужденію въ собраніи. Печатавъ въ концѣ этой брошюры самую записку, мы здѣсь укажемъ лишь на то, что по мнѣнію Черниговскаго земства современное положеніе Россіи представляетъ богатую почву для распространенія революционныхъ идей, которые находятъ себѣ пищу въ организаціи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ отсутствіи свободы слова и печати и въ полномъ неуваженіи къ законамъ, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны гражданъ. Конечно, пища революционныхъ идей не исчерпывается этими тремя вопросами. Но мы готовы допустить, что Черниговское земство не могло сказать болѣе того, что имъ сказано, желая вѣроятно соединить въ одинъ дружный протестъ возможно большее число голосовъ и направленій. Тѣмъ не менѣе изъ записки совершенно ясно, что консервативнымъ земскимъ спламъ желательны: свобода слова и печати, неприкосновенность личности, уничтоженіе административной ссылки и произвола администраціи, независимость крестьянскаго сословія отъ полиціи, измѣненіе системы налоговъ и образованія въ смыслѣ льготномъ для массы населенія и, наконецъ, исполненіе правительствомъ законовъ, имъ же издаваемыхъ. Виѣ земства и въ немъ самомъ есть люди, которые идутъ дальше и желаютъ сверхъ того нѣкоторыхъ социальныхъ и экономическихъ реформъ. Безъ сомнѣнія революціонныя идеи идутъ еще дальше, но слѣдуетъ ли отсюда, что мы поднимаемъ руку на мысль, которая есть естественный продуктъ нашего положенія и которая даже своимъ заблужденіями можетъ принести пользу, отыскивая новые пути для улучшенія этого положенія? Еще менѣе мы можемъ взять на себя истребленіе людей, сѣющихъ «зло». Пока они борются силою слова, мы не можемъ взять въ руки другого орудія кромѣ слова. Когда же находятся люди, которые прибѣгаютъ къ ножу и револьверу, то въ рукахъ правительства достаточно полицейской и судебной власти, чтобы справиться съ преступниками. Напротивъ, мы должны напомнить правительству, что лучшимъ средствомъ устраненія подобныхъ преступленій — служить необходимая свобода гражданъ и законность дѣйствій самой власти.

И такъ, мы думаемъ, что Полтавское и Харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душиить идеи и истреблять людей ими живущихъ? Напрасно думаютъ, что русскому народу свобода мысли и слова не дорога. Этотъ народъ уже два съ половиною вѣка терпитъ гоненія за свои вѣрованія и до сихъ поръ не можетъ молиться своему Богу. Сколько среди него погибло людей за вѣру и за «вредныя», но дорогія ему идеи?

Нѣтъ, такой конституціи намъ не нужно и мы горячо протестуемъ противъ замѣны одного произвола другимъ. Между тѣмъ, мы полагаемъ, что продолженіе существующаго порядка вещей — немыслимо. Никогда еще Россія не представляла такого печальнаго положенія. Выдержавъ побѣдоносную войну, Россія приняла роль подсудимой передъ Европой и принуждена была заключить позор-

ный миръ. Благосостояніе народа помрачено войной и нужны многіе годы, чтобы залечить открывшіяся язвы. Нищета бѣднѣйшихъ классовъ, тягость налоговъ, невѣжество, казнокрадство, расхищеніе государственныхъ имуществъ, мотовство народныхъ средствъ, финансовое банкротство, преслѣдованіе учащейся молодежи, развитіе политическихъ доносцовъ, административныя ссылки сотнями, — вотъ картина Россіи. Ожидать, что правительство одолѣетъ такую задачу, — нѣтъ причинъ. Напротивъ, оно доказало намъ свою неспособность справиться съ положеніемъ имъ же созданнымъ. Прося у насъ помощи, оно доказало намъ свое безсилье въ борьбѣ съ маленькою, но энергичною партіей. Теперь очередь за самимъ обществомъ. Среди русскаго народа имѣется много людей, далекихъ отъ революціоннаго образа мыслей, но глубоко преданныхъ интересамъ своей родины, проникнутыхъ горячею къ ней любовью и готовыхъ отдать свой трудъ и свою жизнь для ея блага. Этимъ людямъ не достаетъ лишь единства цѣлей и дѣйствій, чтобы стать силой, способной подчинить правительство интересамъ народа. Никакое правительство само не даетъ такихъ учрежденій, которыя бы надѣляли дѣйствительную узду на его произволъ. Никакой народъ не станетъ дорожить конституціей, не гарантирующей ни личности, ни имущества. — Поэтому люди, готовые служить народу, должны взять на себя почти въ исполненіи великой задачи. Наиболѣе удобнымъ базисомъ такого движенія должны сдѣлаться земскія учрежденія, какъ единственный общественный органъ, соединяющій въ себѣ почти всѣ элементы и сословія. Поэтому, земство роковымъ путемъ идетъ къ своей политической миссіи и вопросъ лишь въ томъ, — сдѣлаетъ ли оно шагъ на высоту своей роли? Если эта задача окажется не по силамъ земству, если оно откажется отъ исполненія ея — все, что есть живаго и мыслящаго въ обществѣ, прикинется къ революціонному движенію, а земство, какъ учрежденіе, умретъ вмѣстѣ со смертію стараго строя.

Жизнь выдвигаетъ впередъ рядъ вопросовъ, разрѣшить которые должно земство, какъ выразитель желаній и стремленій русскаго народа. Хотя этотъ народъ еще вѣритъ въ правительство и лишь на него рассчитываетъ въ избавленіи отъ своихъ бѣдъ, хотя земства, какъ представители своихъ интересовъ, онъ не знаетъ, но это потому, что земство до сихъ поръ ничего не сдѣлало для народа. Но какъ только земство пойметъ всю необходимость экономической реформы, когда оно приметъ всю массу народа подъ свое покровительство отъ произвола полиціи, — когда оно смѣло и рѣшительно потребуетъ у правительства права свободно обсуждать свои дѣла, слѣдить за расходами народнаго добра и считать свою личность неприкосновенною, — тогда весь народъ будетъ на сторонѣ земства, побѣда котораго станетъ обезпеченною.

Рядъ помѣченныхъ нами вопросовъ однако распадается на двѣ категоріи. Одни, какъ свобода слова и печати и личная гарантія, должны быть потребованы земствомъ немедленно. Другіе же могутъ быть разрѣшены

правильно въ общемъ Совѣтъ представителей народа. Но этотъ Совѣтъ только тогда станетъ истиннымъ выразителемъ интересовъ народа, когда онъ будетъ организованъ самими народомъ. Поэтому мы не должны быть фигурантами въ конституціонной комедіи, а отвергнувъ всякую конституцію, данную сверху, будемъ настаивать на созывѣ Учредительнаго Собранія.

И такъ, въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантія личности и созывъ Учредительнаго Собранія. Всѣ остальные вопросы должны быть на время отложены.

Но, чтобы имѣть возможность предъявить такія требованія, всѣ общественныя силы въ настоящее время должны быть направлены на измѣненіе состава земскихъ собраній. До сихъ поръ выборы земскихъ гласныхъ были внѣ вниманія общества: съ этой минуты они должны быть предметомъ усиленной агитаціи. Земскія собранія требуютъ серьезной очистки и привлеченія болѣе живыхъ и сильныхъ элементовъ. Только при соблюденіи этого послѣдняго условія земство будетъ способно начать борьбу.

Избирая земство базисомъ движенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вѣруемъ, что всѣ силы русскаго народа дружно соединятся, чтобы завоевать себѣ свободу, и тогда обновленная Россія по праву займетъ мѣсто среди цивилизованныхъ народовъ.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

V.

При настоящихъ условіяхъ общественной жизни, первый вопросъ, какой является передъ всякимъ общественнымъ учрежденіемъ, это — вопросъ о деньгахъ, на которыя оно должно совершать свои отправленія. Деньги, которыя могутъ имѣть земскія учрежденія, — зависятъ отъ двухъ условій: отъ мѣстныхъ богатствъ и отъ условій обложенія ихъ, опредѣленныхъ закономъ. Безсильная увеличить богатства, государственная власть можетъ сильно затруднить обложеніе, — и въ этомъ отношеніи русская государственная власть и ея низшіе агенты сдѣлали и дѣлаютъ все возможное для того, чтобы лишить земскія учрежденія того, что теперь называется «первымъ дѣломъ».

Приступая къ характеристикѣ борьбы чиновничества съ земствомъ въ этой сферѣ, — въ финансовой, — мы должны напомнить, что финансы земства, и даже въ большей своей части, вовсе не идутъ на нужды мѣстныхъ или, по нашей официальной терминологіи, на расходы необязательныя (на школы, больницы, на мѣры для улучшенія экономическаго благосостоянія населенія и т. п.), но на нужды государственныя, обязательныя (повинности почтовой, дорожной, по расквартированію войскъ, содержанію полиціи и т. п.). При введеніи земскихъ учрежденій, по смѣтѣ на 1865 г., бюджетъ земскихъ сборовъ распредѣленъ былъ такимъ образомъ: на государственныя потребности изъ него было отчислено 18.046.424 р., на земскія (губ. и уѣздныя) всего 3.828.770. Съ этими

неполными четырьмя милліонами рублей земство должно было начать свое самоуправленіе и многостороннюю дѣятельность, такъ какъ всѣ права его по отношенію къ львиной долѣ, захваченной государствомъ, ограничены были участіемъ въ раскладкѣ этой доли, которую земство должно, что называется, вынуть да положить, и при этомъ о дальнѣйшемъ, т. е. о цѣлесообразности и употребленіи этихъ расходовъ, не разсуждать. И до сихъ поръ отношеніе обязательныхъ и необязательныхъ земскихъ расходовъ является въ слѣдующемъ видѣ:

	Всего расходовъ	Обязательные	Обяз.
1869 г. по 28 губ.	16.324.810 р.	6.117.824	37,5
1870 » » 28 »	17.345.243 »	6.630.774	38,2
1871 » » 31 »	18.119.759 »	7.736.042	42,7
1872 » 1 » 32 »	22.205.148 »	10.095.384	45,5
1873 » 1 » 32 »	22.712.058 »	10.945.055	51,8
1874 » 1 » 32 »	25.875.588 »	12.806.892	50,5
1875 » » 32 »	27.786.420 »	13.642.811	48,7
1876 » » 33 »	29.501.461 »	13.865.662	46,9
1877 » » 32 »	30.254.060 »	13.542.740	40,4

Въ 1879 году сумма общихъ земскихъ расходовъ равнялась 32.062.825; изъ этой суммы на обязательные расходы приходилось 16.050.369, т. е. нѣсколько болѣе половины всей суммы. Разсматривая же отдѣльные бюджеты разныхъ губерній, мы видимъ, что во многихъ мѣстахъ обязательные расходы даже и теперь превышаютъ необязательные, — такъ что сумма ихъ превышаетъ даже доходы земскіе и можетъ покрываться только изъ запасовъ.

Уже это обстоятельство налагаетъ на земства трудную финансовую задачу. Прибавьте къ этому, что земскія учрежденія застали въ Россіи обще-государственную педѣлѣйшую податную систему, которая лежитъ самымъ тяжелымъ образомъ на бѣднѣйшихъ классахъ, — что тѣмъ болѣе обижало земства налагать добавочныя податныя тяжести на удовлетвореніе собственно земскихъ нуждъ съ крайней осторожностью именно по отношенію къ этимъ классамъ. И вдругъ, въ самомъ началѣ существованія земскихъ учрежденій, правительство отняло у земства право обложенія одного изъ самыхъ богатыхъ и наименѣ платящихъ классовъ, — промышленнаго, издавъ, 21 ноября 1866 г., законъ, по которому фабрики и заводы не должны быть облагаемы земствомъ по степеніи ихъ доходности, а только, какъ постройки, а торговля свидѣтельства и патенты не выше 25% со вносимой въ казну пошлины.

Законъ этотъ въ свое время былъ называемъ многими косвеннымъ упраздненіемъ земскихъ учреждений или мѣрою, которая должна была сдѣлать эти учрежденія столь же безсильными, сколько и ненавистными бѣднымъ классамъ. И дѣйствительно, если изданіе этого закона не имѣло въ виду чего либо подобнаго, то совершенно невозможно и понять его политическій смыслъ. Законъ 21 ноября, конечно, нанесъ ударъ всѣмъ планамъ земства относительно выработки болѣе справедливой системы налоговъ, остановилъ начатыя въ этомъ направленіи работы и отбросилъ земскую систему налоговъ на рутинную дорогу — обложенія землевладѣнія, а въ немъ неизбежно крестьянства.

Не говоря о фактическомъ, крайне ощутительномъ для земства, сокращеніи средствъ,

въ этомъ дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе та неравномѣрность несенія земскихъ повинностей торговлей и промышленностью, въ сравненіи съ земельной собственностью, которая, сама собой, явилась послѣдствіемъ закона 21 ноября. Изъ отчетовъ о земскихъ сборахъ за три года съ 1875 по 1877 видно, что по 33 губерніямъ торговля и промышленность несли на себѣ только $\frac{1}{8}$ часть, а крестьянство немного болѣе половины всѣхъ земскихъ сборовъ. Ярko характеризуется та уравнивательность, которая создана закономъ 21 ноября, распредѣленіемъ сборовъ по Московской губерніи, какъ извѣстно, одной изъ самыхъ промышленныхъ. Торговля и промышленность этой губерніи, съ годовымъ оборотомъ въ 176 $\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, платитъ земскихъ сборовъ 570.000, между тѣмъ крестьянство, съ земельной доходности только въ 2.635.000 р., должно платить сборовъ земскихъ 230.000 р. (а всѣхъ: казенныхъ, земскихъ и общественныхъ, 5.108.000, или 193% доходности, т. е. почти вдвое противъ всей своей земельной доходности). Принявъ же во вниманіе, что изъ суммъ 570.000, уплачиваемыхъ торговлей и промышленностью, 184.000 падаютъ на литейные патенты и косвенно выплачиваются тѣмъ же населеніемъ, то окажется, что вся торговля и промышленность уплачиваютъ земскаго сбора только 386.000 р. Такимъ образомъ, съ одной стороны, торговлей и промышленностью, при оборотѣ въ 176 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, уплачивается 386.000 р., а, съ другой, крестьянство при доходности, или точнѣе, при заработкѣ въ 2.635.000 р., платитъ на земство 230.000 р. Вотъ результатъ таксаціи правительства, созданный закономъ 21 ноября. Земству, ограниченному въ одной изъ самыхъ важныхъ и законныхъ статей обложенія, оставалось или развивать свою дѣятельность и потребныя для того средства, предполагавшіяся по справедливымъ разчисленіямъ съ торговли и промышленности, разложить на крестьянство, т. е. совершенно и окончательное его раззорить, или же сдѣлать программу дѣятельности, ограничиться только «неукоснительнымъ» исполненіемъ обязательныхъ отправленій, оставивъ въ сторонѣ всякое стремленіе къ увеличенію средствъ на необязательные расходы, т. е. на улучшеніе и усовершенствованіе благосостоянія населенія, которое, благосостояніе, со временемъ стало бы источникомъ и новыхъ доходовъ для земства.

Или для кого теперь не секретъ, что земства не подыали благосостоянія крестьянъ, бѣднѣніе которыхъ идетъ въ ужасающей прогрессіи. Приведенныя цифры по Московской губерніи характеризуютъ тѣ тяжести, которыя приходится нести общинному землевладѣнію. Если къ этому прибавить еще то, что издѣлѣскія земли по крайней мѣрѣ свободны отъ казенныхъ сборовъ, которые несетъ крестьянство на своихъ плечахъ, то тогда будетъ вполне понятно то бѣдственное положеніе, въ которомъ находится и къ которому идетъ крестьянство. Ежегодныя статистическія свѣдѣнія, этотъ непогрѣшимый мѣръ народнаго богатства, прямо указываютъ, что оно падаетъ годъ отъ году. Количество скота уменьшается, голодъ въ народѣ дѣлается явленіемъ зауряднымъ. «Идемъ мы, говоритъ одинъ изъ тверскихъ гласныхъ, съ свойствен-

ноу русскому человѣку безпечностью, прямо и безвозвратно къ какой то бездонной пропасти. Земскія средства уменьшаются, губернскіе капиталы затрачиваются, а впереди рѣшительно ничего не видно. Земство, обезпеченное обязательными палогамн, не имѣетъ средствъ заботиться о развитіи не только народнаго благосостоянія, но и просто о сохраненіи населенія отъ голодной смерти». Изъ свѣдѣній о расходахъ за 1879 г. мы видимъ, что изъ 35 губ. только 17 нашли возможнымъ отчислить кой-какія суммы въ запасныя и различныя спеціальныя земскіе капиталы. Но эти отчисления далеко не представляютъ земскихъ экономизацій, а ихъ скорѣе можно считать обязательнымъ расходоу, отчисленіемъ въ ущербъ удовлетворенію текущимъ потребностямъ, единственной предупредительноу мѣрой на случай такихъ явленій, какъ голодъ, или прямо даже банкротство. Что отчисления эти вызываються дѣйствительно страхомъ въ виду возможности такихъ явленій, показываетъ, напримѣръ, то, что самое крупное отчисленіе за 1879 г. дѣлаетъ Самарская губернія, какъ извѣстно, уже испытывавшая всю тяжесть голодухъ и безхлѣбницы. Да и ея ассигновка представляетъ цифру всего только въ 37.354 р. изъ общей суммы расходовъ въ 1.216.564 р. Въ другихъ же губерніяхъ отчисления, какъ видно, сдѣланы для того, чтобы въ бюджетѣ не было пробѣла въ этой графѣ расходовъ. Какой же, напр., можетъ образоваться запасной капиталъ изъ такихъ отчисленій:

	На составленіе запаснаго и спе- ціальн. земск. капиталовъ.	Общая сумма расхо- довъ.
Костромское земство (губерн- ское)	500	741.556
Харьковское (Богодуховскій уѣздъ)	610	760.345
Олонеккая (три уѣзда) . . .	2140	410.730
Полтавская (Роменск. уѣзд.)	2431	1.245.800

И все въ такомъ же родѣ. И что дѣйствительно эти отчисления дѣлаются сообразно съ средствами и не могутъ быть увеличены, это доказывается тѣмъ, что въ тѣхъ же губерніяхъ за тотъ же 1879 г. общій бюджетъ расходовъ въ сравненіи съ смѣтнымъ поступленіемъ представлялъ самую ничтожную разницу, иногда въ нѣсколько рублей.

Не менѣе характернымъ свѣдѣтельствомъ возрастающей земской несостоятельности служатъ также ассигновки земствъ на мѣры для содѣйствія успѣхамъ народнаго хозяйства и его охраненія. Ассигновки эти всюду колеблются въ размѣрахъ отъ 100 до 300 р., т. е. совершенно ничтожныхъ и не могущихъ имѣть никакого значенія. Впрочемъ, большинство земствъ, воплиъ сознавая, что такими ничтожными суммами никакой пользы не принесешь, совершенно удерживаются отъ всякихъ ассигновокъ по этимъ статьямъ. Дѣлать же большіе отпуски земства не имѣютъ средствъ. Принявъ же во вниманіе сегодню увеличивающіяся недоимки по земской кассѣ, слѣдовательно, уменьшеніе приходныхъ суммъ, мы уже прямо увидимъ, что, для покрытія расходовъ, земства по необходимости принуждены затрачивать запасныя капиталы или дѣлать долги. Изъ отчетовъ 1877 и 1879

годовъ въ смѣтныхъ расчетахъ по уплатѣ % на долги и погашеніе ихъ мы перѣдко видимъ, что не только у нѣкоторыхъ земствъ не было произведено погашеній, но, напротивъ, долги увеличились. Не приводя здѣсь этихъ разчисленій, по всѣмъ губерніямъ, мы укажемъ только на нѣкоторые:

	% и погашеніе долговъ въ 1877 г.	въ 1879
Вологодская	5.185	8.552
Воронежская	26.872	32.395
Вятская	9.100	24.198
Костромская	8.560	22.357
Московская	76.666	113.130
Орловская	14.346	15.800

Цифры весьма неутѣшительныя. Онѣ оправдывались бы въ томъ случаѣ, еслибъ нарощеніе ихъ произошло въ силу образованія новыхъ долговъ по различнымъ уѣздамъ, происшедшихъ вслѣдствіе какихъ нибудь экстраординарныхъ причинъ, но, просматривая уѣздныя смѣты, мы видимъ, что многія изъ этихъ цифръ относятся къ однимъ и тѣмъ же уѣздамъ и къ старымъ долгамъ. Всѣ эти явленія и возрастающая изъ году въ годъ недоимка по земскимъ платежамъ и вообще неудовлетворительное поступленіе сборовъ прямо указываютъ, что уменьшеніе земскихъ средствъ происходитъ въ большинствѣ случаевъ не отъ уклоненія отъ платежей, а чаще отъ обдѣливанія плательщиковъ, отъ страшно непропорціональнаго обложенія крестьянскихъ земель въ сравненіи съ ихъ доходностью.

Всю эту финансовую несостоятельность земствъ предвидѣли и предсказывали лучшіе земскіе дѣятели тотчасъ послѣ изданія нелѣпаго закона 21 ноября 1866 года. Вотъ почему, тотчасъ по обнародованіи этого закона, всѣ почти з. собранія, въ томъ числѣ и петербургское, рѣшили протестовать противъ этого покушенія не только на земскую самостоятельность, и безъ того уже обрѣзанную по Положенію, но и на самый смыслъ существованія земскихъ учреждений.

Петербургское земство, подъ первымъ впечатлѣніемъ нанесеннаго земскому самоуправленію удара, резюмировало свое постановленіе приблизительно въ слѣдующемъ смыслѣ: что, создавая законъ 21 ноября, законодательная власть выслушала только одностороннее мнѣніе высшей администраціи. Она не обратила вниманія на то, что въ дѣлѣ обложенія до изданія этого закона не было со стороны торговли и промышленности ни жалобъ, ни ходатайствъ о какихъ либо притѣвленіяхъ. Ходатайствуя объ отмѣнѣ этого закона, собраніе, въ виду того, что большинство земскихъ ходатайствъ, перѣдко чрезвычайно важныхъ для успѣха земскаго дѣла, оставляются безъ всякаго удовлетворенія и движенія и вообще задерживаются министеромъ внутреннихъ дѣлъ, постановило представить въ сенатъ жалобу на такія дѣйствія министра внутреннихъ дѣлъ.

Результатомъ этого постановленія было, какъ извѣстно, временное закрытіе земскихъ учреждений въ Петербургской губерніи. Эта карательная мѣра произвела страшно тяжелое впечатлѣніе на обществѣ. Правительство ясно показало свою неспособность ужиться съ самымъ законнымъ проявленіемъ самостоятель-

ности имъ же созданныхъ общественныхъ учреждений.

Въ лицѣ петербургскаго земства были побиты всѣ другія, которыя тоже высказали неудовольствіе закономъ 21 ноября 1866 года. Законъ сталъ дѣйствовать и приносить плоды. Впрочемъ, само правительство какъ бы сконфузилось передъ своей выдумкой и нашло нужнымъ какъ бы оправдаться передъ обществомъ. Но оправдательное объясненіе правительства вышло еще глупѣе, чѣмъ самый его проступокъ. Въмѣсто того, чтобы просто отмѣнить вредный законъ, правительство издало въ 1867 году, 16 февраля, циркуляръ, гласящій, что «во многихъ мѣстахъ законъ 21 ноября 1866 года былъ понятъ, какъ односторонняя правительственная мѣра, направленная на огражденіе интересовъ купеческаго сословія и промышленныхъ заведеній, въ ущербъ интересамъ поземельной собственности. Въ немъ усматривалось препятствіе къ развитію общепользуемой дѣятельности земскихъ учреждений. Предполагалось, что установленіе предѣльной нормы обложенія для торговыхъ свѣдѣтельствъ и промышленныхъ заведеній неминуемо вызываетъ установленіе такой же таксы для землевладѣнія. Наконецъ указывалось на антагонизмъ, будто бы возбужденный, въ средѣ земствъ, покровительствомъ зажиточнымъ классамъ народа передъ прочими и т. д.» Теперь циркуляръ 16 февраля увѣрялъ, что правительство не имѣло въ виду ничего подобнаго, а руководствовалось-де самыми благими намѣреніями. Правительство - де не руководствуется въ своихъ мѣропріятіяхъ одностороннею заботливостью объ исключительныхъ пользахъ того или другаго класса населенія; но оно обязано ограждать всѣ части этого населенія отъ такихъ тягостей, которыя несправедливы въ отношеніи къ нимъ и вредны въ отношеніи къ общимъ государственнымъ интересамъ.

На сколько дѣйствительно заботы правительства касаются «справедливыхъ отношеній къ тягостямъ разныхъ классовъ населенія» и на сколько оно «не руководилось», при изданіи закона 31 ноября, интересами одного класса, лучше всего показываютъ, кромѣ уже приведенныхъ выше, слѣдующія, напр., цифры. Въ 1868 году, въ Вятской губерніи на фабрикахъ и заводахъ было выдѣлено продуктовъ на сумму 23.461.972 р., не считая въ томъ числѣ доходовъ торговаго класса. Земскаго сбора съ промысловаго и торговаго класса въ этомъ году пришлось 40.099 р., что составляетъ съ 1000 рублей валоваго дохода менѣе 2 р. земскаго сбора. Земледѣльческая же промышленность за этотъ годъ получила продуктовъ на 30 милліоновъ рублей, а сумма земскаго сбора съ земель равнялась 695.564 руб., что составляетъ съ 1000 р. валоваго дохода 23 рубля. Самая справедливая уравнивательность! Далѣе, правительственный циркуляръ сознается, что землевладѣніе находится въ затруднительномъ положеніи, что поземельная собственность, дѣйствительно обременена непосильными налогами, но что для облегченія нужно искать другихъ путей. То есть, какихъ же? разумѣется, на счетъ того же землевладѣнія. Циркуляръ этотъ сопровождался рядомъ статей въ официальныхъ органахъ, стремившихся всѣмъ

силами облить черную глупость 21 ноября 1866 года. Но, как и следовало ожидать, эти оправдания не могли сдѣлать черное бѣлымъ. Вислѣдствіи, когда прошло уже первое впечатлѣніе правительственной расправы съ петербургскимъ собраніемъ, земскія собранія постоянно и безостановочно ходатайствовали предъ правительствомъ объ отмѣненіи или измѣненіи закона 21 ноября; но, какъ и множество другихъ ходатайствъ, такъ и эти остались безъ послѣдствій. За послѣдніе годы поступили ходатайства: въ 1877 году отъ земства самарскаго—объ общей отмѣнѣ закона; смоленскаго—объ установленіи обложенія банковъ и акціонерныхъ компаній, находящихся въ предѣлахъ губерній въ размѣрѣ $1\frac{1}{2}\%$ въ годъ съ чистаго ихъ барыша; объ обложеніи ссудныхъ кассъ; о налогѣ на игральныя карты; объ увеличеніи земскаго сбора съ патентовъ, съ торговыхъ свидѣтельствъ.

Въ 1878 году поступило ходатайство отъ нижегородскаго земства объ отмѣнѣ закона 21 ноября, въ виду чрезмѣрнаго увеличенія обязательныхъ земскихъ повинностей, въ теченіе десятилѣтняго времени съ 1866 г. по 1877 годъ увеличившихся на 137.000 рублей.

Всегогонское земство ходатайствовало объ увеличеніи земскаго сбора на торговые свидѣтельства и патенты въ виду того, что на земство возложена выдача пенсій семействамъ раненныхъ и убитыхъ воиновъ, и въ виду того, что обязательные расходы у земства изъ года въ годъ увеличиваются. Излишне прибавлять, что всѣ эти ходатайства остались гласомъ вопиющаго въ пустынь. А между тѣмъ изъ самыхъ цифръ земскихъ расходовъ видно, что въ послѣднее время доходъ промышленно-торговаго класса не уменьшился, а увеличился, — и что это увеличеніе ускользнуло совершенно отъ налога.

Земская практика показываетъ намъ одинъ интересный примѣръ тщетныхъ усилій земства привлечь къ налогу крупную промышленность, которая явилась изъ за границы въ извѣстную область съ примыкомъ намѣреніемъ конкурировать съ промышленностью крестьянскою и убить ее своею конкуренціею.

Въ Тверской губерніи, какъ извѣстно, бѣдной земледѣльческою промышленностію, начало было развиваться молочное хозяйство: изготовленіе сыровъ и пр. Уровень благосостоянія населенія началъ подниматься; для большей успѣшности производства, начали появляться артелиныя сыроварни, явились школы сыроваренія и пр. Земство помогало этимъ опытамъ. Объ такихъ успѣхахъ прослышали иностранцы — и разные швейцарцы и пр. поторопились явиться въ Тверскую губернію. Благодаря капиталамъ, лучшему умѣнію и несомнѣнной сравнительной культурности, они начали давить кустарничество въ молочномъ хозяйствѣ и забирать дѣло сыроваренія въ свои руки, подчиняя себѣ крестьянъ. Земство, само собою, увидѣло эту эксплуатацію и возымѣло совершенно законное желаніе получить въ пользу земскихъ, т. е. народныхъ средствъ, хотя часть избытка отъ крестьянскихъ трудовъ, идущихъ въ иностранныя карманы. Но налогъ на промышленность, по правительственной регламентаціи, налагается не на производ-

ство или доходность его, а на цѣнность строеній, а послѣднія для сыроваренія вовсе не требуются, особенно цѣнные. Волею не волею земству пришлось оставить всякое попененіе о вполнѣ справедливомъ обложеніи капиталистическихъ сыроварень.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛЬСКИЙ ПРОЕКТЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ,

Русская Имперія. Польскій взглядъ на русскіе государственные вопросы. Berlin. 1882.

(Окончаніе).

Мы передали въ существенныхъ чертахъ почти все содержаніе разбираемой нами книги. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться нѣкоторыхъ главъ этой книги, трактующихъ объ экономическомъ устройствѣ Россіи, о необходимости полнаго уничтоженія общественнаго землевладѣнія, о воинской повинности и т. п. и затѣмъ главы о польскомъ вопросѣ. Объ этой послѣдней мы считаемъ нужнымъ замѣтить только, что авторъ, хотя и называетъ себя лояльнымъ русскимъ подданнымъ и отрекается, повидимому, отъ возстановленія Польши, какъ самостоятельнаго государства, но тѣмъ не менѣе относится съ большимъ огорченіемъ къ тому, что русское правительство раздѣлило «польскія» провинціи на «губерніи возвращенія» и «неразрывно связанныя». Вообще же авторъ не требуетъ для «польскихъ» провинцій ничего, кромѣ того, что онъ требуетъ и для другихъ провинцій Россіи, и поэтому политическій проектъ его въ сущности не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего специально-польскаго. Въ этомъ отношеніи книга нашего автора представляетъ весьма интересное и интересное время, какъ примѣръ выхода извѣстныхъ польскихъ сферъ изъ круга прежнихъ стремленій польскаго сепаратизма, дуализма и т. п. въ кругъ стремленій всероссійскихъ. И тутъ национальность автора выразилась въ его политическихъ взглядахъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ тѣмъ, что, будучи номѣщикомъ и консерваторомъ происхожденія польскаго, онъ является человекомъ болѣе свободнымъ отъ придворныхъ вліяній и чиновничьихъ привычекъ, а потому и проводитъ свой консерватизмъ гораздо болѣе логично, и въ своемъ родѣ болѣе либерально, чѣмъ этого можно было бы ожидать отъ большинства русскихъ консерваторовъ. Повторимъ впрочемъ, что глава о польскомъ вопросѣ, какъ и прочія, нами пропущенныя, имѣетъ въ книгѣ только второстепенное значеніе. Поэтому обратимся къ главному сюжету книги, т. е. къ проектируемой ею русской конституціи.

Не смотря на строго консервативныя, а подчасъ даже совсѣмъ узкіе сословные взгляды автора, — какъ самые эти взгляды, такъ и предполагаемая имъ система заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя черты, заставляющія обратить на нихъ особенное и серьезное вниманіе. Такими чертами мы считаемъ прежде всего стремленіе къ возможно болѣе широкой децентрализаціи, признаніе за областями правъ не только на извѣстныя бытовые особенности, но и на довольно широкую областную автономію, проведеніе во всей системѣ из-

бирательнаго принципа и т. п. Главною же и болѣе цѣною, съ нашей точки зрѣнія, особенностью проекта, намъ кажется то, что въ основаніи его лежитъ идея возможно болѣе широкаго самоуправленія мелкихъ группъ — волостей... Но къ сожалѣнію, какъ упомянутыя выше сословныя тенденціи автора, такъ и его желаніе примирить защищаемую имъ же децентрализацію съ «блескомъ короны» и усиленнымъ вліяніемъ центральнаго правительства — придаетъ всему проекту характеръ полной невидержанности и крайней непоследовательности, доходящей до совершеннаго разрушенія самимъ же авторомъ того, что только что было имъ создано. Написавши нѣсколько совсѣмъ серьезныхъ страницъ о томъ, что русское правительство въ теченіе 20 лѣтъ трудилось и трудится надъ уничтоженіемъ или парализованіемъ всѣхъ начатыхъ было реформъ, посредствомъ всевозможныхъ дополненій и разъясненій законовъ и министерскими распоряженіями и циркулярами, — авторъ на каждомъ шагѣ дѣлаетъ съ своимъ собственнымъ проектомъ какъ разъ то же самое. Доказавши, даже простирается, чѣмъ бы слѣдовало, весь вредъ централизаціи и необходимость автономіи и составивши достаточно раціональный проектъ всеобщей волости, авторъ немедленно же слышитъ обставитъ его цѣлою кучей оговорокъ, совершенно уничтожающихъ весь смыслъ проекта. Для приданія проектируемому имъ волостному самоуправленію болѣе консервативной окраски, онъ считаетъ необходимымъ ввести избирательный имущественный цензъ, который, хотя и смѣшается нѣсколько добавленіемъ къ нему ценза образовательнаго, но тѣмъ не менѣе даетъ перевѣсъ въ волостномъ самоуправленіи элементу наименѣе спнатичному для самого же автора — разнымъ кулакамъ и проходивцамъ. Затѣмъ, заставляя волость представлять свой бюджетъ на утвержденіе провинціального земства и ставя волостныхъ старшинъ и городскихъ головъ въ зависящее положеніе отъ уѣздной полиціи, ограничивая заботы волости о народныхъ образованіи одними начальными школами и проч., авторъ окончательно отнимаетъ всякое значеніе у проектируемой имъ волости въ смыслѣ самоуправленія и, повидимому, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ тѣ же сачне централизмъ и бюрократизмъ, противъ которыхъ написана чуть ли не половина всей его книги. Далѣе, въ проектѣ провинціального самоуправления — это идетъ еще болѣе прогрессивно. Посвятивши болѣе трехъ десятковъ страницъ (348—380 и далѣе) подробному разбору всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя приводитъ пылѣющее земство не болѣе какъ къ «отготителюному дозволенію заниматься мѣстными дѣлами, съ обязательнымъ ограниченіемъ быть всегда одного мнѣнія съ всемогущей бюрократіей» (стр. 353), указавши на непомѣрность правъ представителей земскихъ собраній, на зависимость избранныхъ земствомъ лицъ отъ правительственнаго произвола, на непризнаніе за земствомъ значенія политически признанныхъ общественныхъ собраній, на предѣ представленій рѣшеній земства на утвержденіе губернаторовъ, на запрещеніе земствамъ сношаться непосредственно между собою и т. п., — авторъ строитъ свой проектъ провинціальныхъ

земствъ, проэктъ въ существенныхъ чертахъ очень широкій, и опять таки съ такимъ усердіемъ обставляетъ его разными консервативно-словными предосторожностями, что въ концѣ концовъ все проэктируемое имъ областное самоуправленіе сводится ровно ни къ чему. Устанавливая этотъ проэктъ на началахъ будто бы полной автономіи, авторъ, точно забывши обо всемъ, сказанномъ имъ выше, считаетъ необходимымъ назначеніе предѣдателя провинц. земствъ (они же и предѣдатели земскихъ исполнительныхъ комитетовъ) отъ правительства, даетъ право генераль-губернаторамъ (изображающимъ собой «блескъ короны») не только увольнять всѣхъ выборныхъ отъ земства должностныхъ лицъ, но и распускать самыя земскія собранія, съ властью производить даже административнымъ порядкомъ, «на счетъ упорнаго земства», требуемые отъ него центральною властью расходы..., ограничиваетъ подлежащіе разсмотрѣнію земства вопросы только вопросами мѣстнаго хозяйства, предоставляетъ и провинц. земству только начальное народное образованіе, не дальше учительскихъ семинарій, дѣлаетъ обязательнымъ для земства утвержденіе его рѣшеній генераль-губернаторомъ, допускаетъ сношенія земствъ между собою только черезъ того же генераль-губернатора и министра внутр. дѣлъ... Совершенно то же самое видимъ мы и въ проэктируемой авторомъ организаціи уѣздной и губернской администраціи и мирового института: рекомендуемый земствомъ, но избранный правительствомъ губернаторъ, выборное губернское правленіе и рядомъ съ этимъ полиція по назначенію, право генераль-губернатора смѣнять во всякое время кого угодно, начиная съ губернатора, и подчиненіе волостныхъ старшинъ и городскихъ головъ уѣздной полиціи. Наконецъ, говоря о высшемъ государственномъ самоуправленіи, — авторъ, только за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ совершенно основательно доказывающій полное отсутствіе въ Россіи настоящей родовой, исторически сложившейся аристократіи и невозможность создать такую аристократію какими бы то ни было жалованными грамотами въ странѣ, гдѣ «дворяне въ крестовыхъ походахъ не участвовали, но тарелки подавать — подавали»... — вдругъ забываетъ все это и предлагаетъ, чтобы для образованія Боярской Думы Глава государства возвелъ нѣсколько благородныхъ (?) родовъ въ боярское достоинство, затѣмъ считаетъ необходимымъ ввести въ составъ Боярской Думы представителей земства, но при этомъ (совсѣмъ даже непонятно почему) требуетъ, чтобы они были непременно пожизненными... и т. д.

Вслѣдствіе всего изложеннаго, общее впечатлѣніе проэкта является такимъ, что онъ какъ будто бы былъ сначала написанъ хотя нѣсколько и тенденціозно, но все таки довольно обдуманно и серьезно и съ своей точки зрѣнія добросовѣстно, но затѣмъ — въ виду ли какихъ нибудь постороннихъ вліяній, въ виду ли желанія придать ему возможно болѣе благонамѣренный консервативный характеръ — былъ окончательно испорченъ. Почему понадобилось автору придавать такой характеръ своей книгѣ — для насъ совершенно не ясно, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же не

можетъ не знать, что вся эта консервативно-благонамѣренная окраска рѣшительно ничего ни въ чемъ не убѣдитъ и ничего ни отъ кого не спрячетъ... Стараться же склонить правительство къ какимъ бы то ни было реформамъ посредствомъ утѣреній въ вѣроподобности чувствъ — врядъ ли стоитъ и труда, такъ какъ въ осуществленіе этихъ реформъ правительству можетъ принадлежать только самая пассивная роль...

Авторъ не могъ удержаться отъ указываемаго нами недостатка даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого скорѣе всего слѣдовало бы отъ него ожидать, а именно даже говоря о польскомъ вопросѣ и національныхъ правахъ областей. Въмѣсто того, чтобы, напр., хоть просто оставить открытымъ вопросъ о политическомъ возстановленіи Польши, какъ самостоятельнаго государства, хотя бы въ виду невозможности разрѣшенія этого вопроса теперь, когда части Польши принадлежатъ не только Россіи, но и еще двумъ имперіямъ, авторъ на каждомъ шагѣ считаетъ долгомъ назвать себя лояльнымъ русскимъ подданнымъ. Далѣе затѣмъ, говоря о правахъ каждой области на употребленіе своего національнаго языка въ литературѣ, школѣ, судѣ и пр., автору тоже, не извѣстно даже почему, нужно было намекнуть о томъ, что разныя «матицы» и т. п. можно считать и «игрушками» для забавы взрослыхъ дѣтей и отвлеченія ихъ отъ политическихъ вопросовъ... Не знаемъ, дѣйствительно ли, по мнѣнію автора, такое, напр., учрежденіе, какъ «Macierz Polska», основанная недавно Крашевскимъ — не больше какъ игрушка?... но думаемъ однако, что не безъ нѣкоторой, идущей по отношенію къ игрушкамъ осторожности, имъ сдѣланы и повторены оговорки, напр., о преподаваніи на польскомъ или (!) малороссійскомъ языкѣ въ принадлежавшихъ прежде Польшѣ провинціяхъ Украины, гдѣ этотъ вопросъ, по проэкту автора, долженъ рѣшиться представителями областной интеллигенціи!...

Такимъ же, совершенно непонятнымъ и объяснимымъ только духомъ благонамѣннаго компромисса, представляется намъ и то усердіе, съ которымъ авторъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ клянется «бѣшеныхъ анархистовъ» и «сумасшедшихъ социалистовъ». Понятно, что въ качествѣ помѣщика и консерватора, автору очень естественно не раздѣлять социалистическихъ воззрѣній, но, разъ признавая свободу слова и мнѣній, ему слѣдовало бы быть по меньшей мѣрѣ гораздо спокойнѣе, тѣмъ болѣе, что автору же не безызвѣстно и то, что вопросъ о политической свободѣ въ Россіи былъ энергически поставленъ инкѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же «бѣшеннымъ анархистамъ», которые, если и прибѣгали къ оружію и вообще къ какому бы то ни было насилию, то только въ защиту тѣхъ же самыхъ интересовъ политической свободы, какіе защищали и самъ сердитый на «анархистовъ» авторъ, совсѣмъ нестатки забывающій, что умѣренный русскій конституціонализмъ успѣлъ уже перемануть черезъ трупы погибшихъ за политическую свободу «сумасшедшихъ социалистовъ»...

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ указанныя и очень многіе пропущенныя нами

недостатки, разбираемая нами книга имѣетъ очень серьезное значеніе въ нашей не большой еще конституціонно-политической литературѣ, такъ какъ, независимо отъ своего серьезнаго исполненія, она представляетъ собой доказательство очень утѣшительнаго явленія — того, что полная несостоятельность нынѣшняго политическаго строя Россіи и рѣшительная необходимость коренныхъ государственныхъ реформъ въ смыслѣ политической свободы, сословной и національной равноправности и областного самоуправления — чувствуется и сознается уже даже и въ консервативныхъ сферахъ общества. Кроме того книга эта служитъ для насъ яркимъ доказательствомъ еще и того, что, не смотря на всѣ сословныя и національныя тенденціи, не смотря на искренное или напускное (обстоятельствъ ради) реакціонерство — всякій обсуждающій русскіе общественно-политическіе вопросы, при сколько нибудь внимательномъ и серьезномъ отношеніи къ дѣлу, логически не можетъ не признать того, что въ Россіи всякое серьезное измѣненіе политическаго строя должно начинаться съ организаціи свободнаго самоуправления общинъ и областей, а не ограничиваться только введеніемъ центрального парламентаризма сверху.

Х. С.—о.

КЛАДЕЗЬ ОФИЦІАЛЬНОЙ УЧЕНОСТИ.

(Народное хозяйство въ Россіи.

В. П. Безобразова.

Дѣйствит. члена И. Акад. Наукъ. Спб. 1882.)

Авторъ упомянутой книги ставитъ себѣ интересный вопросъ: «какое вліяніе на наше народное благосостояніе, т. е. на благосостояніе рабочаго класса, составляющаго громадное большинство народа, произвели измѣнившіяся въ послѣднее двадцатилѣтіе формы народнаго хозяйства», но, къ сожалѣнію, отдѣляется одними разговорами о коммерческомъ классѣ и главнаго своего вопроса почти ни разу не касается. Все содержаніе сочиненія автора исчерпывается, съ одной стороны, непрерывными удостовѣреніями, что онъ долговременно производилъ тѣ или другія изысканія и изслѣдованія, результаты которыхъ почему-то индѣ почти не проявляются, съ другой стороны, собесѣдованіями на московско-патріотическую тему, многословное развитіе которыхъ наполняетъ цѣлыя сотни страницъ. Приведемъ для образца слѣдующія двѣ цитаты: «Москву», говоритъ авторъ, «издавна привыкли называть «сердцемъ» Россіи; послѣ всего изложеннаго ясно, что это метафорическое выраженіе имѣетъ глубокий смыслъ». Точно-ли это ясно, вопросъ не малый! «Было справедливо замѣчено», продолжаетъ авторъ, «что московское государство обладало необычайною силою быстрого ассимилированія, поглощенія, обрусенія завоеванныхъ и присоединенныхъ къ нему земель; онъ чрезвычайно скоро втягивался въ общее русское государственное тѣло и утрачивали всякія центробѣжныя (не центробѣжныя-ли?) или сепаративныя наклонности, даже когда въ ихъ народонаселеніяхъ заключались значительныя иноплемennыя элементы. Самымъ рѣзкимъ примѣромъ этого можетъ служить казанское царст-

во. Такого быстрого обрусения мы далеко не видимъ въ племенахъ и территорияхъ, присоединенныхъ къ нашему государству въ петербургскомъ періодѣ. Не входя въ изслѣдованіе этого любопытнаго явленія въ періодъ московской Руси, мы укажемъ здѣсь... только на одну изъ многовѣроятныхъ его причинъ: на тотъ-же необыкновенный духъ примиренія и обобщенія всѣхъ разнородныхъ элементовъ и крайностей государственной и общественной жизни, господствующій въ этой московской Руси до сихъ поръ, при преобладающихъ однако въ этомъ духѣ чисто русскихъ началахъ народной жизни. Этотъ духъ могъ наиболѣе способствовать обрусенію народныхъ окраинъ, безъ всякаго насильственнаго административнаго ихъ порабощенія». Читатель вправѣ спросить, насколько всѣ эти приторные разсужденія въ москвофильскомъ духѣ, способствуютъ выясненію народнаго хозяйства и благосостоянію рабочаго класса? И почему именно Казанское царство должно служить самымъ рѣзкимъ примѣромъ обрусенія, когда еще чуть не на дняхъ цѣлыя села казанскихъ татаръ изъ православія обратились въ магометанство? Но на всѣ эти и многіе другіе вопросы мы напрасно стали-бы ожидать отвѣта.

Борясь со всѣмъ находящимся въ противорѣчіи съ охранительными началами, авторъ съ особеннымъ, хотя и совершенно беззубымъ и безсодержательнымъ злорадствомъ относится ко всякому случаю проявленія свободы мысли, съ какимъ онъ могъ столкнуться во время своихъ многотрудныхъ изслѣдованій и разѣздовъ. Такъ, напр., «онъ сѣмнитъ замѣтить, что успѣхамъ школьнаго образованія нашего купечества нѣтъ препятствія не столько ихъ добрая воля, а сколько то плачевное направленіе, которое приняла у насъ школа въ нынѣшнее время. Виновато-ли купечество въ томъ, что школьное образованіе представляется ему съ нѣкоторыхъ поръ единственно въ видѣ отрицанія всего, что составляетъ, даже по безсознательному инстинкту самаго необразованнаго человѣка, нравственную основу, достоинство и лучшую красоту человѣка? Виновато-ли купечество, когда его сыновья возвращаются къ домашнему очагу съ единственнымъ вновь приобрѣтеннымъ убѣжденіемъ, что вся наука, до сихъ поръ существовавшая у образованныхъ народовъ, и всѣ придуманные ими для человѣческаго общежитія порядки, — совершеннѣйшій вздоръ, долженствующій въ одинъ прекрасный день быть разрушеннымъ (!)». «Самое послѣднее или самое прогрессивное купеческое поколѣніе отнуживаетъ купечество отъ школы, результатомъ которой является презрѣніе къ занятію отцовъ и отчужденіе отъ своего ремесла (а если занятія отцовъ дѣйствительно не всегда хорошо пахли?).... Въ старые годы купеческая молодежь лѣзла въ чиновничество и дворянство, теперь иные изъ нихъ лѣзутъ въ реформаторы и прогрессисты (какая невѣроятная дерзость!). Впрочемъ, такъ называемая у насъ прогрессивная или лучше недозрѣлая современная литература (ахъ, ужъ эти перерѣзлые гг. академики!) входитъ въ соприкосновеніе съ купеческой средой и не на одной только школьной скамьѣ; на нижего-

родской ярмаркѣ еще въ 1864 году мы видѣли скороспѣлыя русскія изданія Бокля, Дарвина, Фогта въ рукахъ не только молодыхъ, но даже возмужалыхъ людей. Понятно, какое смущеніе въ умахъ, чуждыхъ доселѣ всякой книгѣ и всякой школы, способна производить эта литература, въ особенности, благодаря нелѣпымъ устнымъ ея истолкованіямъ.... Впрочемъ, чтеніе въ дѣйствительности производится весьма рѣдко, а только книга выставляется на показъ, и хозяинъ ея объявляетъ вамъ, что вотъ явился на свѣтъ Бокль, который опрокинулъ всю религію и философію открытіемъ въ человѣкѣ фосфора вмѣсто души! И слова эти произносились не на вѣтеръ, а съ глубокимъ душевнымъ содроганіемъ. Таковъ-то образчикъ результатовъ повѣйшаго распространенія свѣта науки въ темныхъ массахъ русскаго народа, которымъ заняты и напѣны и ненапѣны служители отечественнаго просвѣщенія». А чѣмъ заняты вы, г. членъ академіи наукъ? Представляя картину вопіющаго невѣжества русскаго купеческаго сословія, вы въ то же время обвиняете не это невѣжество, а попытки, дѣлаемыя къ его упраздненію, словомъ, прямо становитесь на сторону глупости. Но это еще не все. «Когда толкуешь», продолжаетъ глубокомысленный авторъ, «о такихъ результатахъ повѣйшаго образованія съ разумными (!) стариками, съ такъ-называемыми бородачами стараго покроя, приходящими въ ужасъ отъ науки сыновъ, и когда убѣждаешь ихъ воздержаться отъ высшихъ школъ, сбивающихъ съ толку ихъ молодежь, и ограничиться пока низшими школами, въ которыхъ все таки не преподается такое великое количество знаній, способствующихъ умственному разстройству учениковъ, тогда эти испуганные нашею наукою люди напоминаютъ намъ о томъ, что дѣлается даже въ уѣздныхъ училищахъ. Оказывается, что и тамъ набиваютъ головы всякимъ хламомъ, рѣшительно ни для кого не нужнымъ, напоминаютъ, напр., о томъ, какъ учителя исторіи (чему мы и сами были лично свидѣтелями) читали 9—12 мѣсяцевъ мальчикамъ, еле-еле умѣющимъ читать по складамъ, лекціи объ исторіи древней Индіи, объясняли значеніе санскритскаго языка для сравнительной филологіи, догматы буддизма и т. п. Послѣ всего этого поневолѣ станешь въ тупикъ передъ купечествомъ, не желающимъ обучать своихъ дѣтей». Ужъ точно-ли, г. академикъ, вы были свидѣтелемъ подобнаго съумасшествія, а не сами выдумали его въ пылу борьбы съ новыми идеями, такъ или иначе освѣщающими мрачную ночь купеческаго невѣжества и самодурства, — вотъ о чемъ нужно подумать прежде, чѣмъ съ вами согласиться.

При всей своей высотѣ академическаго тона, авторъ не упускаетъ ни одного случая, относящагося къ распространенію свободы мысли, чтобы не проявить извѣстной рѣзвости ума и старчески-дряблага подмигиванія и хихиканья. «Прежде всего должно замѣтить, что молодое поколѣніе торговаго класса, если не обманываютъ насъ всѣ наши наблюденія, почерпнутыя однако изъ продолжительныхъ и тѣсныхъ сношеній съ представителями всѣхъ слоевъ этого класса, — молодое поколѣніе оспененилось въ сравненіи съ ста-

рымъ поколѣніемъ. Въ этомъ поколѣніи замѣтны рѣшительные успѣхи семейной жизни и отвращеніе отъ кочевой, составляющей сущность нашего армарочнаго быта... Начинается превращеніе купеческой женщины изъ хозяйки и затворницы въ подругу и участницу жизни мужа. Конечно, на этомъ пути еще многого остается пожелать и, можетъ быть, въ особенности того, чтобы наша, такъ называемая купчиха, добивалась, какъ можно скорѣе, прогресса, не шагнула, подобно тѣмъ, которымъ своимъ соотечественницамъ, въ столь соблазнительные закоулки эмансипаціи...» А не гораздо-ли соблазнительнѣе закоулокъ академіи наукъ для ученыхъ, подобныхъ автору?

«Спѣшимъ замѣтить», читаемъ мы у автора, «что бросающіяся въ глаза въ Вессегонскѣ толпы учащагося поколѣнія обою пола тѣмъ болѣе составляютъ отрадное явленіе, что, по всѣмъ нашимъ наблюденіямъ и по всѣмъ доходившимъ до насъ слухамъ, къ этому просвѣщенію не примѣшивается здѣсь никакихъ ядовитыхъ цвѣтовъ повѣйшаго нашего школьнаго образованія, особенно ядовитыхъ, когда школа усиленно быстро поднимаетъ къ себѣ поколѣнія изъ низшихъ общественныхъ слоевъ и разлучаетъ ихъ умственное развитіе съ нравственною житейскою и семейною обстановкою. Вообще, какъ намъ сообщили на мѣстѣ, весь вессегонскій край отличается безмятежнымъ въ политическомъ отношеніи, патріархальнымъ спокойствіемъ; снута не проникла въ него. Замѣчательно, что въ такомъ относительно бойкомъ пунктѣ обходился вовсе безъ жандармовъ, въ то время, какъ они были введены почти во всѣхъ, даже мелкихъ городахъ. Пронесеніе въ сѣвскомъ вессегонскомъ народонаселеніи съ тѣхъ поръ, послѣ 1 марта 1881 г., безпорядковъ, подъ вліяніемъ разныхъ невѣжественныхъ слуховъ (объ указахъ, повелѣвающихъ задерживать студентовъ и помѣщиковъ) не противорѣчатъ сказанному выше: характеръ этихъ безчинствъ (быстро прекращенныхъ) объясняется свойствомъ населенія патріархально-легковѣрнаго и, вѣсть съ тѣмъ, бойкаго». — «Мы не забываемъ, чтобы когда либо встрѣчали на Руси такіе чувства довольства и радости, какими были переполнены всѣ слои многочисленнаго промышленнаго люда (отъ знатныхъ капиталистовъ до послѣднихъ рабочихъ), участвующаго какъ въ грузовомъ и пассажирскомъ движеніи на самой рѣкѣ (Волгѣ) и ея притокахъ, такъ и въ прибрежной промышленной дѣятельности. Эти впечатлѣнія были для насъ тѣмъ болѣе разительны и отрадны, что они составляли самый рѣзкій контрастъ съ крайне мрачнымъ настроеніемъ, которое окружало насъ передъ путешествіемъ, въ высшихъ классахъ общества, въ центрахъ нашей интеллигенціи и нашей государственной и умственной жизни въ Петербургѣ и Москвѣ, послѣ цѣлаго ряда политическихъ преступленій, разразившихся незадолго передъ тѣмъ злѣйшимъ покушеніемъ 2 апрѣля 1879 года. Мы не задолго передъ тѣмъ разстались со всѣми общественными явленіями, производившими это мрачное настроеніе, какъ будто съ другимъ миромъ, существующимъ не въ Россіи, а во всемъ дальнѣйшемъ нашемъ путешествіи по

самым бойким мѣстностямъ нашего отечества, даже въ его «сердцѣ», мы нигдѣ почти не встрѣтили и слѣдовъ того болѣзненного настроенія умовъ, которое достигло у насъ своего крайняго развитія въ 1878—80 гг. Весьма рѣдки были случаи, въ которыхъ намъ пришлось впоследствии натолкнуться на нашу политическую смуту въ томъ кругу промышленной и дѣйствительно народной жизни, въ которой происходили всѣ наши изслѣдованія. Тутъ можно было еще убѣдиться, какъ не глубоки всѣ эти умственные и нравственные извы на поверхности нашего общественнаго тѣла, сравнительно съ его внутреннимъ содержаніемъ, съ глубокою историческою почвою и подпочвою народной жизни... Къ счастью, или къ несчастью, но не подлежитъ сомнѣнію, — и мы не разъ должны были удостовѣриться въ этомъ во время нашихъ изслѣдованій, — что жизненные и именно экономическіе интересы нашихъ народныхъ массъ не прикасаются «къ движенію идей», которое происходитъ въ живущемъ надъ ихъ головами, «оторванномъ» отъ нихъ мірѣ «интеллигенціи». Эти массы остаются совсѣмъ чуждыми этому міру, имѣя не мало своихъ собственныхъ злобъ и извѣй». — «Впоследствии, во время нашего путешествія, гуль московскаго взрыва 19 ноября 1879 года оглушилъ насъ только мгновенно, процессы какъ будто надъ головами того промышленнаго и народнаго міра, внутри котораго происходили всѣ наши экскурсіи и изысканія. Мы обязаны однако замѣтить здѣсь мимоходомъ, что нашли разительную въ этомъ отношеніи перемену во время нашего путешествія послѣ 1 марта 1881 г. Съ тѣхъ поръ народъ, уже неграмотный, сталъ обращать на «нигилистовъ» серьезное вниманіе, котораго прежде ихъ не удостоивалъ. Вездѣ въ деревняхъ крестьяне озираются нынѣ во всѣ стороны, подозрѣвая cadaго неспѣшнаго прѣзжаго, чтобы какъ нибудь не пропустить «злодѣевъ». Но все таки, «вся эта мрачная сфера революціонной агитаціи и политическихъ преступленій остается для нашего народа совсѣмъ постороннимъ, какъ бы чужеземнымъ міромъ; изъ него происходятъ какъ бы только насильственные вторженія въ народную жизнь и посягательства на ея святую, совершенно непонятныя народу иначе, какъ какіе-то нпоземные набѣги». — «Нашей революціонной пропандѣ, такъ широко распространившейся въ послѣдніе годы, не удалось, кажется, совсѣмъ, не смотря на всѣ ея усилія, проникнуть на нижегородскую ярмарку и въ ея книжную торговлю. Но въ 1879 году произошелъ здѣсь весьма любопытный фактъ: было пушено въ ходъ изданіе, въ которомъ чрезвычайно ловко была замаскирована жесточайшая революціонная пропаганда въ формѣ и языкѣ старопечатной раскольничьей книги (поморскаго цвѣтника). Самые первые знатоки раскольничьей печати были введены въ обманъ при первомъ взглядѣ на эту книгу. До захвата ея полиціей, она была не-гласно и не въ лавкахъ продана на ярмаркѣ въ довольно значительномъ, кажется, числѣ экземпляровъ. Скрывшіеся отъ полиціи распространители этой книги на ярмаркѣ, довольно извѣстный (бывшій) расколъ-

никъ, давно перешедшій къ нашимъ заграничнымъ эмигрантамъ. Никакая прививка революціи къ никакимъ нашимъ религіознымъ сектамъ до сихъ поръ не удавалась».

По части свободной прессы авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Мы не можемъ не упомянуть о затрудненіяхъ, какія встрѣчаютъ со стороны купечества размножившіеся авторы газетныхъ статей о положеніи коммерческихъ дѣлъ, или такъ называемые корреспонденты и репортеры... Положительно можно сказать, что эта категория внушаетъ нынѣ коммерческимъ людямъ много недовѣрія и ненависти... И этому нечего удивляться, и за это, конечно, меньше всего нужно винить купечество, какъ мы въ особенности убѣдились во время посѣщенія нижегородской ярмарки... Большая часть статей такого рода ничто иное, какъ обличенія, и даже въ самыхъ невинныхъ изъ нихъ рассказываются вещи, совершенно чуждыя вопросу объ общемъ положеніи дѣлъ... Представьте же себѣ удовольствіе видѣть себя пронецатаннымъ на весь міръ, да еще, иной разъ, съ самыми паглыми искаженіями и комментаріями; какое право имѣемъ мы требовать, чтобы обличенный занимался каждыи разъ возраженіями и разъясненіями въ газетахъ, до которыхъ ему нѣтъ никакого дѣла? Какъ же послѣ этого удивляться, если серьезные торговцы обращаются часто въ бѣгство отъ литераторовъ?»

Если мы резюмируемъ всѣ приведенные выше образцы ученаго глубокомыслия нашего отечественнаго академика, то получимъ въ результатѣ слѣдующее: если истребить всякую искру свѣта, проникающую въ дремучій лѣсъ невѣжества и суевѣрія разныхъ классовъ общества, то отъ того только процвѣтутъ истинныя народныя начала, среди которыхъ будетъ привольно житья всѣмъ доучившимся до безсмыслия изслѣдователямъ такъ называемаго «народнаго хозяйства».

П. С.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

(Окончаніе).

Мы видѣли, что сокращеніе рабочаго дня законодательнымъ путемъ, разсматриваемое съ социалистической точки зрѣнія, можетъ служить весьма удобнымъ и вполнѣ рациональнымъ средствомъ улучшить положеніе рабочихъ и является какъ бы первымъ шагомъ къ болѣе справедливой организаціи производства. И еслибъ въ современномъ капиталистическомъ обществѣ дѣла шли такъ хорошо и гладко, какъ это утверждаютъ послѣдователи Бастіа, всюду открывающіе свои пресловутыя *harmonies économiques*, или — предположивши абсурдъ — еслибъ 16—18-ти-часовой трудъ не изнурялъ рабочихъ, не вредилъ ихъ физическому и умственному здоровью, еслибъ промышленныхъ кризисовъ и безработицы никогда не было, а заработная плата всегда обезпечивала хотя скромное, но все же спосное существованіе рабочей семьи, то и тогда социализмъ ничего не потерялъ бы въ идейномъ отношеніи и сокращеніе рабочаго времени, также какъ и теперь, могло бы составить начало цѣлаго ряда преобразованій въ социалистическомъ направленіи. Великій идеалъ равенства, справедливости и сво-

боды по прежнему требовалъ бы уничтоженія контрастовъ богатства и бѣдности, праздности и труда. Мы даже думаемъ, что стимулъ страсти, побуждающей людей къ социальнореволюціонной дѣятельности, не ослабѣлъ бы замѣтнымъ образомъ отъ отсутствія въ массахъ крайней матеріальной нужды и остраго чувства голода. Нужда и голодъ часто только отупляютъ человѣка, окончательно забиваютъ его, низводятъ до скотоподобнаго состоянія и дѣлаютъ его болѣе способнымъ къ нелѣпымъ формамъ безсознательнаго протеста, чѣмъ къ миссіи сознательнаго социальнаго борца и освободителя. Нужда и голодъ, сами по себѣ, порождаютъ только пассивныя бунты русскихъ крестьянъ, итальянскіе «хлѣбныя бунты», прландскія аграрныя убійства... Не думая утверждать, что подобнаго рода явленія вовсе лишены социально-революціоннаго значенія (они, конечно, своего рода *memento mori* и могутъ содѣйствовать разпатыванію «основъ»), мы только хотимъ сказать, что, неосвѣщенные высшимъ идейнымъ сознаніемъ, они болѣею частью проходятъ безслѣдно, не оставивъ за собой ни мысли плодотворной, ни примѣра и поученія для народа. Еслибъ для уразумѣнія принциповъ социализма достаточно было ощущенія пустоты въ желудкѣ, то наши несчастные крестьяне, жуящіе кору и ходящіе «въ кусочки», были бы первѣйшими социалистами, а не создавали бы только «нѣсеню подобную стону». Нѣтъ, страсти, толкающая человѣка на путь сознательной социально-революціонной дѣятельности, исходитъ главнымъ образомъ изъ головы, а не изъ кишечнаго канала. Она плодъ культуры и умственного развитія. Освободившись, благодаря наукѣ, отъ бога и чорта, мы естественно хотимъ освободиться и отъ «господина»: *ni Dieu ni maître!* Вотъ почему отцами социализма и основателями Интернаціонала были не нищіе и чернорабочіе, но люди культурные, часто ученые и обезпеченные — Овенъ, Сент-Симонъ, Прудонъ, Марксъ, Лассаль, Бакунинъ. Вотъ почему адепты социализма и Интернаціонала набиралась не изъ среды бѣднѣйшихъ рабочихъ, а изъ болѣе развитыхъ и матеріально-обезпеченныхъ членовъ этого сословія.

Про современныя буржуазныя общества нельзя, конечно, сказать, чтобы въ нихъ все обстояло благополучно. Аркадія сбереженія, скромный идеалъ мѣщанскаго счастья, которыми сирены-экономисты стараются очаровать рабочихъ, не доступны для огромнаго большинства послѣднихъ. По этой-то причинѣ покровительствующіе рабочимъ законы представляютъ, кромѣ социалистической, еще одну важную сторону — сторону филантропическую и консервативную, дѣлающую ихъ обязательными для всякаго просвѣщеннаго государства, для предусмотрительнаго, дорожащаго своимъ «мѣстомъ» правительства, понимающаго, что есть такой предѣлъ, за которымъ всякое допускаемое или совершаемое имъ безобразіе должно рано или поздно отразиться на его же собственной шкурѣ. Знаменитое «*après nous le déluge*» — правило обоюдоострое, потому что этотъ самый «делюжъ» часто приходится, не дождавшись естественной смерти пирующихъ вѣнценосныхъ и невѣнценосныхъ тирановъ и дебошировъ. Если въ конституціонныхъ странахъ

«падают» министерства, не стужившие угождать парламентским денутатам (и не далеко то время, когда министр приходится угождать уже не денутатам, а народу), то въ странах съ деспотическимъ правительствомъ падаютъ подъ гильотиной головы Людовиковъ и Карловъ, душатъ подушками Павловъ, взрываютъ динамитомъ Александровъ и вообще, какъ выразился Спенсеръ, деспотія тамъ умѣряется тираноубійствомъ.

Грубые приемы господствованія — падъ подданными, рабочими, прислугой, женщинами, дѣтьми и даже животными — къ великому огорченію вслѣдствіе самодуровъ и обскурантовъ, въ нашъ «вѣкъ пара и электричества» замѣняются тонкостями, ухищреніями и компромиссами. Принципы Домостроя, крѣпостническія заушенія, школьныя субботнія сѣщенія и всѣ вообще виды сгибачи въ бараній рогъ дѣлаются достояніемъ исторіи. Мы заводимъ общества для покровительства животнымъ, заводимъ и Красный Крестъ для вспоможенія раненымъ воинамъ. Какъ же послѣ этого не организовать своего рода Краснаго Креста и для тѣхъ, которые кормятъ насъ, а сами голодаютъ; которые создаютъ чудеса нашей культуры и промышленности, работая по 18 часовъ, и при этомъ часто сгораютъ или замерзаютъ — не въ фигуральномъ смыслѣ, а въ буквальномъ *) — и отравляются ртутью, свинцомъ, фосфоромъ и пр.!

И тутъ рѣчь идетъ не объ одной филантропіи на - показъ. Бѣдственное положеніе народа ведетъ къ его вырожденію и государственному банкротству. Гигиенисты уже давно жалуются, что наше поколѣніе мельчаетъ, хирѣетъ, вырождается. Отъ времени до времени изъ отчетовъ врачей, изслѣдующихъ новобранцевъ, мы узнаемъ, что все меньшій процентъ молодыхъ людей оказывается годнымъ къ воинской повинности. Мы слышали, на примѣръ, что при последнемъ приѣмѣ новобранцевъ въ Москвѣ изъ 2500 человекъ только у 350 были найдены размѣры грудной кѣтки, удовлетворяющіе требованіямъ военной службы, такъ что не хватило 150 человекъ, и пошли на службу всѣ льготные.

Въ Германіи на многихъ фабрикахъ работаютъ по 15, 16 и 17 часовъ въ день (см. Max Hirsch: Arbeitstatistik der deutschen Gewerkevereine. Berlin. 1881.), въ Россіи —

*) «На кирпичныхъ заводахъ рабочіе, вынимающіе кирпичъ изъ печей, нерѣдко работаютъ при температурѣ въ 70, 80 и даже 90° по Реомюру. Случается, что при этой работѣ загораются деревянные щиты, прикрывающіе печи, и тачки съ кирпичами, а у рабочихъ обгораютъ картузы и даже волосы. Условія самаго производства вовсе не требуютъ, чтобы работа производилась при такомъ адскомъ жарѣ: можно было бы подождать, пока кирпичъ остынетъ, и тогда вынимать его изъ печей. Но дѣло въ томъ, что гг. заводчики стараются, чтобы одна и та же печь обжигала какъ можно болѣе кирпичей, и поэтому снѣшать высадкой кирпича, не ожидая его охлажденія... На зеркальныхъ заводахъ рабочимъ другое горе: тамъ они мерзнутъ. Дѣло въ томъ, что гг. заводчики не знаютъ никакихъ техническихъ приспособленій, препятствующихъ сильному развитію ртутныхъ паровъ, и употребляютъ съ этою цѣлью только одно средство — холод. Дѣло доходитъ до того, что въ мастерскихъ бываетъ только 2° выше нуля, такъ что рабочіе дрожатъ отъ холода». (Абрамовъ: Изъ фабрично-заводскаго міра. Отечественный Зап., апрѣль 1882 года, стр. 27—28).

столько же, а иногда и болѣе, по 18 часовъ (Абрамовъ). Гигиеническія условія фабричнаго труда въ нашемъ темномъ царствѣ, конечно, еще хуже, чѣмъ въ Германіи. Кроме того, у насъ нѣтъ законовъ, которые въ Германіи ограждаютъ женщинъ и дѣтей отъ чрезмѣрной работы. На русскихъ фабрикахъ дѣти 8, 7 и даже шести лѣтъ работаютъ по 12 часовъ въ день! «Положеніе рабочихъ, говоритъ г. Абрамовъ, въ высшей степени тяжелое. Не смотря на свою сравнительную слабость, они принуждены нести одинаковый трудъ съ мужчинами и парави съ ними работаютъ по 15 — 17 часовъ въ сутки. Въ то время, какъ, на прим., въ Англіи и Швейцаріи женскій почтовый трудъ запрещенъ безусловно, на нашихъ фабрикахъ женщины принимаютъ участіе въ почтовыхъ смѣнахъ парави съ мужчинами. Въ Швейцаріи работница-мать пользуется обѣденнымъ отдыхомъ въ 1½ часа, въ то время, какъ для остальныхъ онъ равенъ одному часу: цѣль такой льготы для работницъ-матери — дать ей возможность позаботиться о своемъ ребенкѣ. Никакими такими льготами русская работница-мать не пользуется, и ей въ большинствѣ случаевъ приходится кормить своего грудного ребенка тутъ же около машины, оторвавшись на нѣсколько минутъ отъ работы... Что нибудь въ родѣ заграничныхъ колыбелей для грудныхъ дѣтей женщинъ, работающихъ на фабрикахъ, гг. фабриканты считаютъ лишнимъ заводить... Обыкновенно дѣти-младенцы фабричныхъ рабочихъ постоянно находятся въ такой душной, вонючей атмосферѣ, которую не всегда въ состояніи выносить и взрослые; измученныя, истомленныя матери могутъ давать своимъ дѣтямъ только незначительное количество молока, и притомъ испорченнаго, а иногда и прямо отравленнаго разными ядами, какъ фосфоръ, мышьякъ и другіе, вдыхаемые матерями при работѣ. Смерть преслѣдуетъ дѣтей фабричныхъ рабочихъ на каждомъ шагу; оставшіеся въ живыхъ растутъ хилыми, чахлыми, не развитыми и въ физическомъ и въ умственномъ отношеніи».

Уже нѣкоторыя правительства поняли, что извѣстная степень политической свободы рѣшительно необходима, хоть бы для того, чтобы служить предохранительнымъ клапаномъ отъ революціонныхъ взрывовъ государственной машины. И еще недавно нежеланіе ничего сдѣлать о социальномъ вопросѣ и отрицаніе самаго его существованія считалось необходимымъ условіемъ государственной мудрости и истиннаго консерватизма. Но теперь и консерваторы убѣдились въ необходимости улучшить положеніе народа путемъ социаль-но-экономическихъ реформъ. Мы говоримъ тутъ не о Бисмаркѣ и подобныхъ ему, выдумавшихъ особаго рода социализмъ «для отвода глазъ», но, на примѣръ, о нѣмецкихъ социаль-консерваторахъ (Sozial-conservative) и ихъ учителей Родбертусъ, относившихся, какъ извѣстно, весьма искренно и серьезно къ задачамъ общественно-экономическаго преобразованія, въ числѣ которыхъ, и по ихъ мнѣнію, на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о сокращеніи рабочаго дня законодательнымъ порядкомъ.

Еще въ 1869 г. въ Рейхстагѣ сѣверо-германскаго союза былъ поднятъ вопросъ о

сокращеніи рабочаго дня, и тогда въ пользу сокращенія говорили социаль-демократы (Швейцеры) и социаль-консерваторы (Брауншцы). Нѣсколько позже, на «Эйзенхасковской конференціи для обсужденія социальнаго вопроса» (1872) представитель консерваторовъ прямо заявилъ: «Мы идемъ рука объ руку съ рабочими, требующими установленія нормальнаго рабочаго дня». Съ тѣхъ поръ движеніе въ этомъ смѣслѣ не переставало расширяться и усиливаться въ Германіи и даже Suddeutsche Volkspartei (политико-демократическая) въ свою программу 1882 г. внесла требованіе десятичасоваго рабочаго дня.

Въ консервативно-демократической Швейцаріи фабричное законодательство зародилось въ отдѣльныхъ кантонахъ. Въ 1864 г. кантонъ Гларусъ установилъ двѣнадцатичасовой максимумъ поденнаго труда для взрослыхъ мужчинъ на фабрикахъ и въ 1872 г. уменьшилъ этотъ максимумъ до 11 часовъ. Въ 1869 году кантонъ Базель (Baselstadt) ввелъ у себя двѣнадцатичасовой рабочий день. Примѣру этихъ кантоновъ скоро послѣдовали и другіе. Наконецъ, въ 1877 году изданъ былъ федеральный законъ, устанавливающій для всей Швейцаріи максимумъ 11 часовъ поденнаго фабричнаго труда. На цифрѣ 11 федеральныя законодательныя установились между прочимъ потому, что за нее высказались швейцарскія врачебныя коммиссіи, объявившія, что организмъ человека не въ состояніи вынести болѣе одиннадцати часовъ работы въ день безъ существеннаго вреда для здоровья.

Извѣстно, что люди изнуряютъ себя непосильнымъ трудомъ не только на фабрикахъ и заводахъ, но и въ мелкой промышленности, въ разныхъ промыслахъ, въ мастерской ремесленника и работая въ качествѣ батраковъ на поляхъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Процессъ вытѣсненія ремесленнаго производства фабричнымъ (неизбѣжное послѣдствіе капитализма) тяжело отражается на мелкихъ ремесленникахъ, которымъ, чтобы выдержать кое-какъ конкуренцію съ фабриками, приходится прибѣгать къ чрезмѣрному удлинненію рабочаго дня. Распространеніе закона о сокращеніи рабочаго времени на ремесленное производство было бы истиннымъ благодѣніемъ для народа. Оно не только облегчило бы каторжный трудъ массы разныхъ «подмастерьевъ» и «учениковъ», но повліяло бы благоприятно на промышленное развитіе страны, ускоряя, съ одной стороны, развитіе фабричнаго производства (упраздненіемъ мастерскихъ, которыя, за невозможностью пользоваться усовершенствованными орудіями труда, держатся только благодаря непомѣрному удлинненію въ нихъ рабочаго времени), направляя, съ другой, ремесленный трудъ на единственно рациональный для него въ капиталистическомъ обществѣ путь — на путь ассоціаціонной и художественно-промышленной работы.

Сокращеніе рабочаго дня въ ремесленномъ и сельскомъ производствѣ имѣетъ много сторонниковъ въ Германіи среди консерваторовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Укажемъ, на примѣръ, на извѣстнаго агронома-собственника, Клауера, посвятившаго сельскому рабочему вопросу брошюру: Die soziale Frage auf dem platten Lande. Berlin. 1873. «Есть очень

много имѣній, говоритъ Кнауер, гдѣ кнхты (батраки) работаютъ зимой отъ 5 до 6 и лѣтомъ отъ 4 часовъ утра до 8 часовъ вечера; часто для сна имъ остается только короткий промежутокъ отъ 11 часовъ ночи до 2 часовъ утра. Такой ненормальный трудъ не можетъ быть терпимъ—онъ разрушаетъ духъ и тѣло». Кнауер приходитъ къ заключенію о необходимости закона, который бы запрещалъ землевладѣльцамъ заставлять работать своихъ кнхтовъ дольше 10 часовъ зимой и 12 часовъ лѣтомъ.

Поучительнымъ примѣромъ для государственныхъ дѣятелей и консерваторовъ можетъ служить исторія фабричнаго законодательства въ Англіи. Страна эта, раньше другихъ, достигла высокой степени индустриальнаго развитія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — самой невѣроятной эксплуатаціи человѣческой рабочей силы, о которой можетъ дать понятіе уже тотъ фактъ, приводимый Марксомъ въ «Капиталѣ», что однажды былъ созданъ рабочимъ митингъ въ Ноттингамѣ съ цѣлью петиционировать въ пользу ограниченія поденнаго труда взрослыхъ мужчинъ... восемнадцатью часами! Когда, въ 1847 году, въ парламентѣ, наконецъ, прошелъ первый такъ называемый десяти-часовой законъ, то фабриканты стали пророчить скорый упадокъ производства и многія другія бѣды. На самомъ дѣлѣ вышло иное. Десяти-часовой законъ былъ прежде всего примѣненъ къ ткацкой промышленности, которая, вскорѣ послѣ этого, достигла небывалаго дотошъ процвѣтанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вполне оправдались ожиданія защитниковъ десяти-часоваго закона: положеніе ткачей замѣтно улучшилось въ санитарномъ, общественномъ, экономическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Это побудило примѣнить десяти-часовой законъ и ко многимъ другимъ отраслямъ промышленности, къ гончарнымъ, кирпичнымъ, бумажнымъ, стекляннмъ, механическимъ заводамъ, къ типографіямъ и пр., а о производствахъ, не затронутыхъ закономъ, позаботились самостоятельныя рабочія организации (trades-unions), которыя путемъ стачекъ и въ нихъ добились соответственнаго сокращенія рабочаго времени.

Товарищъ Маркса, Энгельсъ, описывая въ известномъ своемъ сочиненіи, *Die Lage der arbeitenden Klasse in England* (появившемся въ Лейпцигѣ въ 1845 г.), ужасное положеніе рабочихъ въ Англіи, предсказываетъ неизбежное и скорое наступленіе таковой революціи. «Если, говоритъ онъ, англійская буржуазія не опомнится — а она навѣрно не опомнится — то наступитъ такая революція, съ которой не сможетъ сравниться ни одна изъ предыдущихъ. Доведенные до отчаянія, пролетаріи возьмутся за факелъ пожара, который пропагандировалъ имъ Стефенсъ; народная мѣсть проявитъ себя съ такою яростью, о которой 1793 годъ не можетъ дать никакого представленія... Революція должна придти—теперь уже слишкомъ поздно для мирнаго разрѣшенія вопроса; впрочемъ, революція можетъ выразиться и въ формѣ болѣе мягкой, чѣмъ та, которая была предсказана выше. Это будетъ зависѣть не столько отъ развитія буржуазіи, сколько отъ развитія пролетаріата. Въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ восприметъ въ себя социалистическіе и коммунисти-

ческіе элементы, какъ разъ въ этой мѣрѣ уменьшится и степень кровопролитности, мести и ярости въ революціи».

Предсказаніе Энгельса не оправдалось. Со времени установленія свободы коалицій и стачекъ и десяти-часоваго дня, рабочіе Англіи не сдѣлали ни одной попытки къ насильственному измѣненію социально-экономическаго порядка и даже бурное движеніе 1848 года, охватившее почти всю Европу, не напало себѣ отголоска на ту сторону Ла-Манша...

Это очень скверно, подумаетъ иной читатель.—Ничего дурнаго тутъ нѣтъ, по нашему мнѣнію. Припомнимъ, что движеніе 1848 года только дало политическую свободу (которой англичане уже обладали) нѣкоторымъ странамъ и нигдѣ не освободило рабочихъ отъ гнета капитала (какъ не освободила ихъ, между прочимъ, и Коммуна), не освободило бы, вѣроятно, отъ него и англійскихъ рабочихъ, если бы они вздумали прибѣгнуть къ возстанію, которое было бы подавлено также, какъ чартистское движеніе тридцатыхъ годовъ.

Пора кончить этотъ бѣглый и черезъ чуръ отрывочный очеркъ.

Мы ограничились разсмотрѣніемъ вопроса о сокращеніи рабочаго времени для взрослыхъ мужчинъ между прочимъ потому, что онъ составляетъ, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ всего фабричнаго законодательства. Установленіе максимума поденнаго труда естественнымъ образомъ предполагаетъ всѣ остальные санитарно-филантропическія мѣры: огражденіе женщинъ и дѣтей отъ ночной и чрезмѣрной работы и всѣхъ вообще людей, работающихъ на фабрикахъ,—отъ отравленія ядовитыми газами и веществами, отъ взрывовъ, раненія машинами, отъ дѣйствія черезъ чуръ высокой и слишкомъ низкой температуры и пр. и пр. Въ нашихъ первыхъ двухъ статьяхъ мы разсмотрѣли рабочій день и фабричное законодательство съ точки зрѣнія социализма («В. С.» № 54 и 55) и старались прослѣдить—насколько могли и насколько то позволяютъ во многихъ отношеніяхъ еще скудныя промышленно-статистическія данныя—связь, существующую между продолжительностью рабочаго времени, размѣромъ заработной платы, усовершенствованіемъ техники и развитіемъ производства. При этомъ мы пришли къ заключенію, что сокращеніе рабочаго дня, какъ путемъ экономической самостоятельности рабочихъ (коалицій и стачекъ), такъ и путемъ фабричнаго законодательства, во всѣхъ отношеніяхъ (въ томъ числѣ и въ социалистическомъ) выгодно для рабочихъ и можетъ совершаться безъ ущерба для производства и фабрикантовъ, часто даже къ ихъ прямой выгодѣ. Въ настоящей статьѣ мы разсмотрѣли тотъ же вопросъ съ другой стороны — консервативно-филантропической и убѣдились, что и съ этой точки зрѣнія сокращеніе рабочаго дня является мѣрою крайне необходимою. Мы указали въ краткихъ чертахъ на необходимость распространенія законовъ, покровительствующихъ рабочимъ, на мелкія ремесла и сельскую промышленность. Примѣненное въ такомъ широкомъ смыслѣ, фабричное законодательство послужило бы могущественнымъ орудіемъ прогресса, оно улучшило бы

экономическое, нравственное и санитарное положеніе рабочихъ и было бы вообще равносильно быстрому поднятію культуры всего народа. Мы задались цѣлью напомнить только общіе принципы и по этому (частію же по недостатку мѣста) оставили въ сторонѣ детали и обсужденіе важнаго вопроса о фабричной инспекціи и другихъ средствахъ проведенія въ жизнь фабрично-законодательныхъ мѣръ.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ по поводу сдѣланнаго нами вывода о совпаденіи въ вопросѣ о фабричномъ законодательствѣ интересовъ социализма и рабочихъ съ интересами разумнаго консерватизма и филантропіи. Выводъ этотъ многимъ можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, и дѣйствительно, онъ затронулъ очень сложный вопросъ, для изслѣдованія котораго понадобилась бы цѣлая статья. Здѣсь мы постараемся только пояснить нашу мысль краткими примѣрами, взятыми изъ исторіи Франціи. Уже на что великая французская революція была настоящей революціей, особенно въ періодъ террора! Кажется, крови, гильотинированій и «сентябрьскихъ» убійствъ, насильственныхъ дѣйствій, энтузіазма, всеслышныхъ декретовъ и диктатуры изъ ней было достаточно, а между тѣмъ, что дала народу именно террористическая и диктаторіальная сторона этой революціи? Идея? — онѣ были всецѣло наслѣдіемъ философіи XVIII вѣка. Политическую и буржуазно-экономическую свободу? — она выработалась еще во время монархіи и была санкціонирована раньше Конвента, безъ всякаго террористическаго давленія — самими представителями господствующихъ классовъ въ памятную ночь 4 августа. Землю народу? — но вся территорія Франціи до революціи распределялась такъ: одной половиной владѣли высшія сословія, духовенство и дворянство, другая принадлежала среднимъ и низшимъ классамъ по-ровну, такъ что крестьянскихъ земель считалось около $\frac{1}{4}$ всѣхъ удобныхъ земель во Франціи. Эта общая пропорція измѣнилась послѣ революціи только въ пользу средняго сословія, буржуазіи, захватившей большую часть земель, конфискованныхъ у эмигрантовъ и духовенства, между тѣмъ какъ пространство мелкихъ крестьянскихъ владѣній очень мало увеличилось. — Въ виду всего этого можно спросить себя: что было бы, еслибы своевременно была осуществлена программа умнаго и честнаго «консерватора» Тюрга, требовавшая для Франціи самоуправленія, полной экономической свободы, самаго широкаго образованія для народа и поголовнаго страхованія населенія отъ нужды? Не позволила ли бы эта программа достигнуть того же самаго, что дала французская революція — минусъ губительный якобинскій централизмъ, до сихъ поръ давящій французскій народъ, и такіе, наиримѣръ, промахи, какъ конфискація въ пользу государства общинныхъ земель—*biens communaux*?

В. Г.

ПИСЬМА О ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫХЪ ПАРТІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

VII.

Союзы рабочихъ и социалистическія франціи. (Продолженіе).

Интернаціоналисты принимали участіе во всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше проявленіяхъ рабочаго движенія во Франціи: они были въ

рабочихъ синдикатахъ Парижа, Ліона, Марселя, Руана, Бордо и др.; въ союзѣ синдикатовъ Парижа секретаремъ былъ интернационалистъ Варленъ; въ коммисіи представителей синдикатовъ, о докладѣ которой мы говорили выше, даже председательствовалъ интернационалистъ, механикъ Ненгу, бывшій делегатъ на брюссельскомъ конгрессѣ; секретаремъ ея былъ тоже интернационалистъ, столяръ Tartaret, бывшій делегатъ на брюссельскомъ и базельскомъ конгрессахъ. И такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы сокращать до основанія существующій порядокъ, интернационалистами на дѣлѣ пришлось ходить къ наполеоновскому министру съ заявленіями весьма скромныхъ требованій рабочей массы.

Уже это одно показываетъ фальшивость положенія, въ какое стали французскіе интернационалисты: слова ихъ на заграничныхъ конгрессахъ стали сами по себѣ, а дѣла на родинѣ—сами по себѣ. Положимъ, извѣстная разница между идеями и приложеніемъ ихъ, извѣстный промежутокъ между осуществленіемъ идеала и началомъ опытовъ къ его осуществленію, — неизбѣжны. Положимъ, интернационалисты дѣйствительно слишкомъ опередили массу рабочихъ. Но, если передовой дѣятель, человѣкъ идеала, вѣрить въ естественную постепенность роста общества (эволюцію *), до того момента, когда оно будетъ въ состояніи усвоить цѣликомъ его идеалы, онъ можетъ искренно принимать участіе въ жизни этого общества, слѣдя за его нуждами и сознаниемъ ихъ, формулируя это сознание и ведя его къ послѣднимъ выводамъ. Работа его такимъ образомъ будетъ работою педагога, который преподаетъ сначала ариметику, чтобы дойти до сферической тригонометрии, который, не измѣняя ничего въ качествѣ своихъ идей, соразмѣриваетъ только количество ихъ заявленія съ способностью ученика усвоить его. Тутъ мы будемъ имѣть дѣло съ умною практичностью, — а не съ оппортунизмомъ.

Совсѣмъ иное положеніе общественнаго дѣятеля, который, сознавъ извѣстный идеалъ, дойдетъ до убѣжденія, что видъ его всецѣлаго приложенія нѣтъ спасенія и что въ добавокъ еще приложеніе это возможно только насильственнымъ революціоннымъ путемъ. Ко всѣмъ проявленіямъ текущей жизни онъ будетъ относиться какъ взрослый къ скучнымъ для него играмъ дѣтей, сторонясь отъ нихъ или даже относясь къ нимъ враждебно, — и постепенно долженъ будетъ обратиться въ своего рода аскета и потерять всякое значеніе въ жизни, или если начнетъ облизываться съ жизнью, то будетъ дѣйствовать какъ лицемеръ, желающій показать дѣтямъ на ихъ же опытахъ, какъ вздорны эти опыты, или же завлечь ихъ для своихъ цѣлей, при чемъ дѣло не можетъ обойтись безъ обмана. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сильнаго влияния на общество такой человѣкъ не произведетъ, — ибо сильное влияние на общество производится только искренностью.

Въ такомъ именно положеніи поставили себя французскіе интернационалисты, послѣ того, какъ они, поставивъ себѣ идеалъ социализма, отнеслись съ презрѣніемъ ко всѣмъ менѣе радикальнымъ реформамъ, и послѣ того, какъ, смѣшавъ цѣль съ средствомъ, обливли себя революціонерами прежде всего. И еще еслибъ

они остались при якобинской вѣрѣ въ возможность преобразовать общество сверху дѣйствиемъ разъ захваченной государственной власти, — родъ вѣры, безъ которой собственно странно называть себя принципиальнымъ революционеромъ, — а то нѣтъ: многіе изъ нихъ пропали школу прудоновскаго ученія о без-властии или ан-архизмъ и всѣ исповѣдывали принципъ Интернационала: «освобожденіе народа должно быть дѣломъ его самого», — отчего положеніе интернационалистовъ-революционеровъ оказалось еще болѣе фальшивымъ и передъ большинствомъ рабочихъ, которые интересовались насущными, хотя бы и малыми улучшеніями своего положенія гораздо болѣе, чѣмъ широкими проэктами будущаго радикальнаго измѣненія общества, — и передъ революціонерами-блупкистами, равнившимися поскорѣе захватить власть въ свои руки.

Рабочіе синдикаты, даже вступая въ сношенія съ интернационалистами, не думали вполнѣ довѣряться имъ. Они смотрѣли на интернационалистовъ, какъ на средство, изъ котораго они думали извлечь немедленные практическія выгоды въ борьбѣ съ капиталомъ изъ-за рабочей платы. Синдикаты изъ всѣхъ заявленій Интернационала помнили больше всего положеніе о взаимномъ вспоможеніи рабочихъ всѣхъ націй и требовали отъ интернационалистовъ фактическаго примѣненія этого положенія, — тѣмъ болѣе, что интернационалисты на своихъ конгрессахъ наговорили много о своихъ успѣхахъ въ разныхъ странахъ.

Когда же интернационалисты сами хотѣли сдѣлать синдикаты орудіемъ своихъ революц. плановъ, то синдикаты рабочихъ всякій разъ уклонялись отъ исполненія такихъ требованій, указывая на ближайшія практическія цѣли ихъ организацій *). Замѣтимъ, что если рабочіе синдикаты организовывали стачки, то вовсе не для того, чтобы, въ видахъ приближенія соціальной революціи, породить замѣшательство, недовольство и нищету; они были убѣждены, что дѣйствительно достигнуть этимъ путемъ улучшенія своего положенія. Несомнѣнно и то, что они бы предпочитали добиться своихъ цѣлей мирнымъ соглашеніемъ; они постоянно склоняли патроновъ на созваніе смѣшанныхъ коммисій, и только упрямый отказъ со стороны патроновъ заставлялъ ремесленные общества прекращать работу, а затѣмъ вступать въ сношенія съ интернационалистами, отъ которыхъ рабочіе надѣялись получить непосредственную помощь на поддержаніе стачки. На сколько же оправдались послѣднія надежды рабочихъ? Дѣйствительно ли интернационалистамъ удалось (какъ они сами объ этомъ заявляли) сгруппировать нѣсколько милліоновъ рабочихъ, которые

*) Когда федеративный союзъ синдикатовъ Парижа, секретаремъ котораго былъ Варленъ, получилъ отъ интернационалистовъ приглашеніе—употребить денежный фондъ союза на покупку оружія, а членамъ союза быть готовымъ къ демонстраціи при похоронахъ Виктора Нуара, то союзный комитетъ отвѣтилъ, что средства союзнаго общества предназначены для ассоціаціонныхъ цѣлей, а поэтому не могутъ быть употребляемы на что либо другое. Интернационалисты, разумѣется, остались крайне недовольны подобнымъ отвѣтомъ. Поэтому повсюду существуетъ цѣлая переписка между секретаремъ союза Варленомъ и интернационалистомъ Обри, въ которой послѣдній доказывалъ Варлену, что федеративный союзъ много помѣшалъ могущему быть возстанію.

могли бы въ случаѣ нужды оказать товарищамъ помощь?

Нижеслѣдующіе факты отвѣтятъ намъ на эти вопросы. Когда, въ 1867 году, былъ въ Парижѣ стачки портныхъ, то комитетъ стачки обратился за денежной помощью къ рабочимъ обществамъ и къ интернационалистамъ. Послѣдніе заявили, что Интернационалъ Англіи окажетъ «значительную помощь». Между пятью тысячами стачившихся портныхъ пронеслись слухи, что изъ Лондона послано для поддержанія стачки 200,000 фр. Къ немалому ихъ разочарованію, комитетъ стачки получилъ изъ Лондона всего 750 фр.

Въ 1869 году рабочіе кожевенныхъ заводовъ Парижа организовали стачку; въ двѣ недѣли касса ихъ общества была опустошена. Тогда Варленъ обратился за денежной помощью въ Брюссель и въ Берлинъ, но просьбы его остались безъ послѣдствій. Комитетъ стачки обратился за помощью къ федеральному союзу синдикатовъ и получилъ отъ него 75,000 фр., да общество типографшниковъ подарило стачкѣ 28.000 франковъ. Въ январѣ 1870 года Малонъ и другіе интернационалисты приняли горячее участіе въ стачкѣ рудокоповъ, бывшей въ Крезе. Они обратились съ просьбамъ о вспоможеніи ко всѣмъ рабочимъ обществамъ Франціи, къ центральному интернациональному комитету въ Лондонѣ и къ Швейцарскимъ секціямъ. Въ концѣ концовъ, не смотря на «громадныя связи» интернационалистовъ, комитетъ стачки получилъ всего-на-всего 50.000 франковъ. Какое количество денегъ изъ этой суммы принадлежало французскимъ рабочимъ обществамъ (щедрость которыхъ мы уже видѣли) и заграничному Интернационалу, объ этомъ мы не знаемъ, но слѣдующіе факты могутъ намъ дать хотя приблизительное объ этомъ понятіе. Когда въ Ліонѣ была стачка рабочихъ шелкопрядильныхъ фабрикъ, то интернационалисты, принимавшіе большое въ ней участіе, обратились за помощью въ Швейцарію и Англію и получили изъ обѣихъ странъ сумму въ 1323 фр. Въ 1869 году, во время стачки бронзовщиковъ, парижскіе интернационалисты обратились въ центральный комитетъ интернационала съ просьбой оказать помощь стачкѣ въ размѣрѣ 12.000 фр. На эту скромную просьбу лондонскій комитетъ отвѣтилъ, что онъ не въ силахъ оказывать матеріальную помощь. Бронзовщики обратились тогда къ рабочимъ корпораціямъ Парижа и, благодаря имъ, выиграли стачку.

Въ 1869 году рабочіе близъ Руана обратились къ интернационалисту Обри за помощью, послѣдній пообѣщалъ удовлетворить ихъ требованіе и въ свою очередь обратился къ интернационалу Англіи. Однако ожидаемыя деньги изъ Англіи не приходили. Рабочіе, не имѣя возможности продолжать стачку, рѣшили прекратить ее. Тогда Обри, увидавъ, что дѣло стачки проиграно и скомпрометировано, благодаря, между прочимъ, его пустымъ обнадѣживаніямъ, съелъ нужнымъ всю вину свалить на самихъ рабочихъ. Онъ обратился къ рабочимъ Руана съ обличительнымъ воззваніемъ, гдѣ онъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Рабочая масса, участвовавшая въ стачкѣ, къ несчастью, не

*) Сюда входятъ и мирныя и военныя дѣйствія.

понявъ всей важности нашей просьбы, обращенной къ рабочимъ Англіи, сложила оружіе... Такимъ образомъ, она осталась вѣрной той роли, которую всегда играли рабочіе той мѣстности, — роли стада барановъ, страшащагося почему-то посоха своего пастуха, капиталиста-царька, и не желающаго даже дожидаться огромныхъ пособій, которыя направлялись къ нему». Эти «огромныя пособия» заключались въ 500 фр., которые прибыли по окончаніи стачки.

Гдѣ же миллионный Интернаціональ? Гдѣ его сила, могущество?

Воля ваша, но матеріальныя средства извѣстной общественной организаціи служатъ мѣриломъ силы ея. Членамъ англійскихъ «Trades-Unions, желающихъ доказать могущество этихъ союзовъ, излишне расписывать количество своихъ со-членовъ, — имъ достаточно упомянуть, что сумма ежегоднаго взноса членовъ доходила до 50 миллионовъ франковъ...

Да, сила Интернаціонала, готоваго перевернуть вверхъ дномъ существующій строй, существовала только въ фантазіи нѣкоторыхъ его ораторовъ, а еще болѣе въ заявленіяхъ императорскихъ товарищей прокуроровъ исправительныхъ судовъ Франціи. Желая поугаждать общество краснымъ призракомъ и оправдать передъ общественнымъ мнѣніемъ суровость своихъ судебныхъ приговоровъ и послѣдующія правительственныя репрессаліи, императорскіе прокуроры считали нужнымъ говорить о численности и могуществѣ Интернаціонала. Прокуроръ Aulois, на процессѣ интернаціоналистовъ въ 1870 году, заявилъ, что число интернаціоналистовъ всѣхъ странъ Европы составляетъ 811.739 *). Стоустая молва подхватила прокурорскую ложь и пустила ее гулять по міру, представивъ извлечь изъ нея выгоду друзьямъ и недругамъ Интернаціонала. Такъ, интернационалистъ Albert Richard, на одномъ собраніи въ Лионѣ, объявляетъ въ своей рѣчи, что интернационалистамъ удалось уже установить «интернациональную революціонную солидарность между 4 миллионами рабочихъ»; а Фрпбуръ заявляетъ въ своей книгѣ, что интернационалисты не разоблачали этихъ ложныхъ духовъ, зналъ, что сила притягиваетъ массы!

О, да, если бы то мишура способна была долго сохранять свой блескъ!

Но событія скоро показали всю слабость той мишуры и весь вредъ вольнаго и неловкаго обмана, какой заключался въ вѣселяхъ о могуществѣ интернаціонала, способного будто бы однимъ революціоннымъ взрывомъ устроить благосостояніе рабочихъ такъ, какъ не въ силахъ этого сдѣлать «черенашій эда» рабочихъ обществъ и государственныхъ фронпріятій на пути «палліативныхъ» улучшеній и всякаго постепенности.

Не смотря на благоприятныя условія для деятельности интернаціоналистовъ и вообще революціонеровъ, сложившіяся послѣ паденія шлеоновскаго правительства 4 сентября 1870 г., мы видимъ, что французскіе интер-

націоналисты не обнаружили большой силы, не имѣли большого вліянія на рабочее население даже въ Парижѣ, даже во время Коммуны, которую большая часть друзей и недруговъ социализма записываетъ на счетъ интернаціоналистовъ.

Вскорѣ послѣ провозглашенія республики, въ средѣ рабочихъ Парижа редижированъ былъ манифестъ о томъ, что, для защиты отечества и для укрѣпленія республики, народными собраніями рѣшено избрать въ каждомъ округѣ комитетъ, который будетъ доводить до свѣденія временнаго правительства «Национальной Обороны» о мѣрахъ, одобренныхъ народными собраніями Парижа. Центральныя комитетъ, образовавшийся изъ 4 членовъ отъ каждаго комитета округа, выработалъ и представилъ правительству «Национальной Обороны» проектъ слѣдующихъ мѣръ: 1) уничтоженіе полиціи, учрежденной монархическими правительствами, служащей только для порабощенія гражданъ; 2) организація охраны общественнаго порядка на новыхъ началахъ и отдача ея въ вѣденіе избранныхъ муниципалитетовъ; 3) примѣненіе къ судьямъ всѣхъ ранговъ принципа избирательства и отвѣтственности; 4) свобода прессы, сходокъ и ассоціацій. Остальные параграфы этой программы касаются частныхъ, временныхъ мѣръ, необходимыхъ для защиты Парижа и департаментовъ отъ вторженія иноземныхъ войскъ.

Въ сущности первые три параграфа этихъ требованій — копія Бельвилльской программы. Часть же этихъ требованій была выражена еще въ 1864 году въ избирательной программѣ 5-го округа Парижа. Это тѣ требованія, надъ которыми такъ долго издѣвались интернационалисты.

Въ газетѣ «International» 27 января 1870 года за подписью извѣстнаго интернационалиста Альбера Рипара, по поводу программъ Раснайля и Ромфора, мы читаемъ: «Эти радикалы не имѣютъ даже социальной программы, они думаютъ, что, уничтоживъ постоянную армію и проведя реформы въ децентрализованномъ духѣ, они многого добьются! Да вѣдь эта программа либераловъ осуществлена уже въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ нищета, не смотря на это, неизмѣнно прогрессируетъ.... Что же касается до тѣхъ радикаловъ, которые утверждаютъ, что политическая свобода должна предшествовать экономической солидарности на томъ будто бы основаніи, что послѣдняя не можетъ быть предпринята сверху, то это — подлцы и лицемеры (lâches et hypocrites)....»). Сопоставивъ заветныя убѣжденія интернационалистовъ и столь противоположныя имъ требованія центрального комитета, — мы должны напередъ отвергнуть самую возможность присутствія интернационалистовъ въ центральномъ комитетѣ? Тѣмъ не менѣе они тамъ были, — но только они потонули въ большинствѣ, состоявшемъ изъ республиканцевъ и социалистовъ другихъ отгбниковъ, и увидѣли себя въ не-

*) Желали бы мы видѣть, какъ Альберъ Рипаръ развивалъ бы идеи экономической солидарности въ настоящее время у насъ на Руси. Не заговорилъ ли бы онъ другимъ языкомъ, сидя въ юртѣ у гостепріимнаго Якута? Пожалуй, подъ вліяніемъ 40 градуснаго мороза, онъ бы нашелъ для «lâches» и «hypocrites» — des circonstances atténuantes...

возможности даже заявить свои заветныя стремленія, о которыхъ нѣмѣ изъ нихъ, можетъ быть, и забыли подъ вліяніемъ потребностей минуты. Но парижскіе интернационалисты сохраняли и свою отдѣльную организацію. Чѣмъ же проявила себя она въ столь горячее время? — это увидимъ изъ ея отношенія къ первому проблеску идеи о Коммунѣ. — Когда прошли первые дни радости по случаю низверженія Бонапартъ, Парижъ сталъ хмуриться на временное правительство Франціи. Въ народныхъ собраніяхъ возникаетъ мысль замѣнить центральное правительство организаціей городского, коммунальнаго управления, находя его единственнымъ средствомъ для привлеченія къ общественной дѣятельности всѣхъ людей инициативы и съ извѣстной энергіей. 8 октября центральныя комитетъ сдѣлалъ попытку осуществить это желаніе гражданъ, — но безуспѣшно. Тогда Lefrançais былъ посланъ центральнымъ комитетомъ въ засѣданіе секціи Интернаціонала, съ полномочіемъ уговорить интернационалистовъ принять участіе въ текущихъ политическихъ дѣлахъ. Комиссія отвѣтила, что Интернаціональ занимается исключительно экономическими вопросами и что онъ воздержится и впредь отъ участія въ политическихъ дѣлахъ, предоставляя, однако, каждому члену общества право дѣйствовать индивидуально по своему усмотрѣнію. «Тщетно я имъ возражалъ, говорилъ Lefrançais, и доказывалъ, что жизнь общества не возможно дѣлится на двѣ части и что интернационалисты впадаютъ въ ошибку, думая эмансипировать экономически рабочаго даже при монархическомъ режимѣ *). Послѣ этого будетъ понятна причина столь малаго числа интернационалистовъ въ центральномъ комитетѣ. Тѣ же члены Интернаціонала, имена которыхъ мы въ немъ встречаемъ, засѣдали не какъ представители интернациональнаго общества, а просто какъ республиканцы, забывъ на время формулы своей секты. Вся секція въ цѣломъ уступила свое помѣщеніе для засѣданій центрального комитета, но тѣмъ не менѣе объявила, что она останется вѣкъ всякаго вмѣшательства въ дѣйствія комитета. И такъ, мы видимъ, что во время осады Парижа Интернаціональ обрекъ себя на политическое бездѣйствіе. Мы не встречаемъ ни одного манифеста, ни единого дѣйствія, исходящаго отъ интернациональнаго общества: оно откестилось отъ всѣхъ дѣйствій рабочихъ массъ Парижа, подъ тѣмъ предлогомъ, что время для него неблагоприятно, ибо всѣ заняты одной политикой. Да собственно все это время Интернаціонала въ Парижѣ уже не существовало, какъ арміи, — а былъ только одинъ штабъ **). Въ протоколѣ засѣданій парижской секціи 5 января 1871 года находимъ, что когда зашла рѣчь объ основаніи газеты, Варленъ заявилъ о бѣдности кассы: съ 4 сентября, посылалъ онъ, прекращены даже и тѣ скудные взносы секцій, которые кое-какъ шевелили кассу, а прекращены они потому, что секціи разбрелись. Изъ протокола засѣданія 19 января явствуетъ, что Интернаціональ

*) Lefrançais «Etude sur le mouvement communaliste», p. 91.

**) Въ извѣстной степени причина тутъ была и та, что война потребовала поступленія многихъ интернационалистовъ въ солдаты. (Ред.)

*) Къ несчастью, г. прокуроръ упустилъ изъ виду Америку, а между тѣмъ на базельскомъ конгрессѣ нашелъ одинъ делегатъ, который представлялъ 0.000 американскихъ интернационалистовъ.

